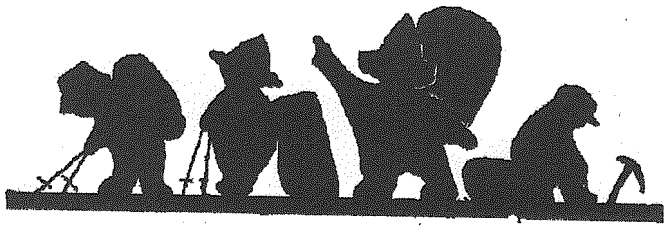
А.В.Лучкин и К°

Сочинения

ГОРТУРДУРИЗДАТ «С ПРИВЕТОМ ВОКРУГ СВЕТА»
1997

ГОСПОДА

ТРАВЕРСАНТЫ
И
ТРАВЕРСАНТКИ

Заилийские гуляния

Комедия
в тринадцати
действиях,
в прозе

Томский городской клуб туристов
Томский государственный университет
т/к «Берендеи»

Отчёт о горном путешествии 3 категории сложности по Северному Тянь-Шаню (хр. Заилийский Алатау)

г. Томск 1997

Состав участников похода

Участник	Место работы (учёбы)	Адрес, телефон	Должность
Пучкин Алексей Васильевич	ТГУ ГГФ, студент	г. Томск Лыткина 12-920	руководитель, фотограф
Тилипенко Юлия Ивановна	ОГПУ ХГФ (г. Омск), студентка	г. Омск ул. Вострецова 1-25 дт. 42 89 66	медик, хроник-летописец
Азовцев Эдуард Александрович	ТГУ ГГФ, студент	г. Томск Лыткина 12-836	ремонтник, керосинщик
Ковалёв Андрей Павлович	уч-ся подг. отд. Томского музучилища	г. Томск Лыткина 12-434	завхоз, завснар

График движения группы[1]

День	Дата	Участок	Расстояние
1	6.08	г. Алма-Ата – ур. Медео – ур. Мынжылкы	12
2	7.08	л. Туюксу – пер. Туюксу (1Б)	16
3	8.08	р. Туристов – р. Левый Талгар	15
4	9.08	лед. Дмитриева	12
5	10.08	пер. Дмитрева Вост. (2А*) – лед. Жангырык	14
6	11.08	лед. Жангырык – р. Жангырык – р. Южный Иссык	23
7	12.08	р. Юго-Восточный Талгар – оз. Богатырь	10
8	13.08	лед. Богатырь – лед. Уральцев – пер. Уральцев (2А*)	12
9	14.08	пер. Уральцев – пер. Бивачный (2А*) (траверс)	6
10	15.08	пер. Бивачный	0
11	16.08	спуск с пер. Бивачный -- лед. Шокальского	7
12	17.08	р. Средний Талгар – бывш. а/л Талгар	14
13	18.08	р. Талгар – КПП Алма-Атинского заповедника – г. Алма-Ата	21
		Всего активными способами передвижения	162 км

[1] График движения группы не соответствует заявленному. Первоначально планировалось посетить район Центрального Тянь-Шаня, но возникли проблемы с оформлением пропусков в пограничную зону республик Казахстан и Кыргызстан. Через Российские органы внутренних дел оформить пропуска не удалось. Тогда группа обратилась за содействием в комитет по молодёжному туризму Алматинской области, от которых было получено письмо с ходатайством об оформлении пропусков в УВД Ауэзвского района г. Алматы, но и таким образом оформить допуск в пограничную зону не удалось (см. прил. 1). В связи с произошедшим маршрут был изменён, об изменениях в маршруте была уведомлена Федерация спортивного туризма Алматинской области (см. маршрутную книжку). Контрольно-спасательная служба республики Казахстан практически бездействует.

Спланированный по Зайлискому Алатау и его отрогам маршрут охватывает малопосещаемые части этого хребта, которые однако изобилуют интересными объектами (водопады в притоках реки Юго-Восточный Талгар, грозное озеро Богатырь, труднопроходимый ледник Богатырь, который по площади занимает второе место в Северном Тянь-Шане, Алма-Атинский заповедник).

Изменения в заключительной части похода обусловлены непогодой 9-10 августа, которая не дала возможности посетить ледник Корженевского и совершить восхождение на пик Талгар (по маршруту 2А к.с.). Эта часть маршрута не содержит определяющих локальных препятствий, поэтому исключение её из нитки маршрута не повлекло за собой изменения категории сложности маршрута.

Краткое техническое описание маршрута

День	Дата	Участок	Описание прохождения
1	6.08	г. Алма-Ата – ур. Медео – ур. Мынжылкы	В 13 00 на конечной остановке авт. №6 (Медео), в 14 00 достигли верха селезащитной плотины. Далее двигаясь по автодороге, минуя с/к Шымбулак к 20 00 достигаем плотины Мынжылкы.
2	7.08	л. Туюксу – пер. Туюксу (1Б)	Выход в 10 00. Двигаясь по правому борту долины, по старой автодороге, затеи по конечной морене л. Туюк-Су к 13 00 выходим на язык ледника, в 15 00 выходим к юго-восточной камере цирка, где обедаем. В 16 00 продолжили движение. Из цирка ледника Туюксу седловина перевала не просматривается. По снежно-ледовому склону поднимаемся к седловине перевала Туюксу. В верней части склона целесообразно придерживаться осыпи, т.к. неглубокий снежный покров не позволяет двигаться без кошек. Выходим на седловину в 18 00. Спуск с перевала осуществляется по кулуару между осыпным и снежно-ледовым склоном, где необходимо навесить перила (спортивный спуск). Далее спуск по некрутому и недлинному леднику. Бивуак организуется на конечной морене этого ледничка. Спуск с перевала до места ночёвки составил 2 часа.
3	8.08	р. Туристов – р. Левый Талгар	Выход в 10 00. Продолжаем спуск в дол. реки Туристов, далее по хорошей тропе до слияния с р. Л. Талгар, где встали на обед (14 00). В 16 00 продолжили движение вверх по р. Л. Талгар до слияния с рекой Конституции. Обходим прижим, через седловину в гребне, подъем на которую составил 40 мин. Далее траверсируя склон выходим на морену и двигаемся по ней ещё 2 часа. На ночёвку встали в 19 00.
4	9.08	лед. Дмитриева	Выход в 9 30. Двигаясь по древним моренным валам лед. Дмитриева за 3 часа подходим под язык лед. Дмитриева. Переходим на правый берег реки и двигаемся по моренно-осыпному лотку вдоль правого борта ледника, к 14 00 достигаем его верхней части. Далее двигаясь среди разломов ледника (30 метров перил) к 14 40 выходим в юго-восточную камеру цирка, откуда хорошо виден пер. Дмитриева Восточный. Подойдя под седловину в 16 00 встали на ночёвку, расположив бивуак на боковой морене ледника.
5	10.08	пер. Дмитриева Вост. (2А*) – лед. Жангырык	Выход в 10 00. За час подходим к перевальному взлёту пер. Дмитриева Вост. и начинаем подъём по лотку между осыпным и снежно-ледовым склоном. 20 мин. Идём по осыпи затем переходим на снег и продолжаем движение до большого камня (+20 мин.). Здесь крутизна склона увеличивается и приходится одевать кошки. Далее основным ориентиром являются выходы скал в месте где лоток раздваивается (1ч. 10 мин.). От этого места обходя скалы справа (по ходу движения) за 20 мин выходим на перевал. Подъём на перевал от места ночёвки занял 5 часов. В 14 20 начали спуск по некрутому леднику. Через 15 мин. Вышли к перегибу ледника где встречаются широкие трещины (необходима страховка). Пройдя зону трещин продолжаем движение вдоль левого борта ледника и выходим на боковую морену ледника Жангырык. К 18 00 достигаем хороших оборудованных стоянок, где и останавливаемся.
6	11.08	лед. Жангырык – р. Жангырык – р. Южный Иссык	Выход в 11 00. Начинаем движение от места стоянки по краевой морене лед. Жангырык и постепенно переходим на язык ледника, где передвижение более удобно. За 1,5 часа достигаем конца ледника. Здесь необходимо переправится через поток стекающий с ледника и продолжать движение по левому берегу реки. На этом участке приходится лавировать среди древних моренных отложений ледника Жангырык и ледников боковых долин, которые иногда образуют

			холмы высотой до 70-80 метров. Через час после начала движения от конца ледника Жангырык переходим вброд р. Жусанды. Ещё через час достигаем места слияния ручья Козьи Потоки с р. Жангырык, где останавливаемся на обед. Здесь начинается хорошая скотопрогонная тропа, которая резко уводит вверх по склону в обход прижима. Однако возможно движение и вдоль русла. У впадения ручья новый тропа выходит на речные террасы и уже плавно идёт по ним. В этот день к 22 00 удалось спустится до слияния ЮВ Талгара и Жангырыка.
7	12.08	р. Юго-Восточный Талгар – оз. Богатырь	Полуднёвка. В 13 00 начали движение по правому берегу ЮВ Талгара траверсируя некрутой травянистый склон, который местами пересекается селевыми конусами выноса, разрезанными промоинами и поросшие густыми зарослями арчевника. Движение осуществляется по еле заметной тропке. Выше по руслу ЮВ Талгара начинаются прижимы, которые обходятся по достаточно крутому травянистому склону который пересекается каньонообразной долиной правого притока ЮВ Талгара. Здесь можно посетить живописный водопад. После пересечения каньона двигаемся по древним моренам поросшим травой и выходим к месту разлива ЮВ Талгара. Продолжая движение по правому берегу реки выходим на древнюю конечную морену л. Богатырь, которая состоит из глыбово-гравийно-песчаного материала. Через 40 мин. После начала движения по этой морене открывается величественная панорама ледника и озера Богатырь. На берегу озера можно найти удобные для ночёвки места с чистой питьевой водой. В озере и реке вода очень мутная и практически не пригодна для питья.
8	13.08	лед. Богатырь – лед. Уральцев – пер. Уральцев (2А*)	Выход в 10 00. Утром сток с ледника Богатырь заметно уменьшается поэтому пересечь многочисленные русла вытекающие из-под ледника не составляет труда. Этого не скажешь об р. ЮВ Талгар ниже оз. Богатырь, переправа через реку сопряжена с большими опасностями, величина стока которой слабо колеблется в течении суток. Это объясняется регулирующим влиянием озера. Подойдя к современной конечной морене ледника выходим по ней на язык и движемся по телу ледника придерживаясь его левой стороны, вдоль срединной морены. Поверхность ледника имеет очень сложный рельеф Приходится лавировать между сераками, часто пересекать трещины и ледниковые русла. Через 1,5 часа после начала движения от места стоянки переходим на левую краевую морену лед. Богатырь и продолжаем движение вдоль ручья Уральцев. Постепенно переходим на конечную морену лед. Уральцев. В 14 00 подходим под язык лед. Уральцев и становимся на обед. Продолжаем движение в 16 00. Язык лед. Уральцев достаточно крутой, поэтому для подъёма по нему целесообразно надеть кошки. Выше ледник выполаживается и можно двигаться свободно (около часа), затем начинается серия закрытых трещин где необходимо двигаться в связках. Пользуясь описанием В.Н. Вуколова выходим на пер. Уральцев (2А*) вместо перевала Акгюль (2А), как было запланировано. Подъём на пер. Уральцев от начала перевального взлёта, по крутому (45-50^0) осыпному склону занимает 40 мин. Перевал Акгюль находится восточнее. В 18 00 организуем бивуак на седловине пер. Уральцев.
9	14.08	пер. Уральцев – пер. Бивачный (2А*) (траверс)	Выход в 8 00. Переменная облачность и ветер. Решили, двигаясь по гребню хр. Заилийский Алатау достигнуть перевала Акгюль и с него выйти на ледник Корженевского, где планировалось совершить восхождение на пик Талгар по маршруту 2А к.с. Движение по гребню осуществляется в связках (карнизы !). Через 50 мин. движения встретилось первое существенное препятствие – ледовая стена, которая преодолевается в кошках с навешиванием перил (30 м). Далее необходимо преодолеть несколько скальных выступов (движение с попеременной страховкой через перегибы, лазание несложное). К 12 00 достигли подножья невысокой вершины разделяющей перевалы Акгюль и Бивачный.

			Погода стремительно портилась: ветер усиливался, облачность увеличивалась. Необходимо было организовать бивуак, чтобы переждать непогоду. На перевале Бивачный оказалась оборудованная площадка под палатку. Здесь было решено остановится.
10	15.08	пер. Бивачный	Ураганный ветер, снег, видимость до 5 метров. О спуске с перевала не может быть и речи. До конца дня погода не улучшилась.
11	16.08	спуск с пер. Бивачный -- лед. Шокальского	К 12 часам ветер не прекратился, но появилось солнце, видимость значительно улучшилась. Срочно свернули палатку и начали спуск в сторону ледника Шокальского. Спуск осуществляется по снежно-ледовому склону (крутизна склона 50-60^0) с организацией перил (7 верёвок). Склон несложный (трещины практически отсутствуют), но продолжительный. В 15 00 спустились в ЮВ карман ледника Шокальского, выйти из которого достаточно сложно, т.к. вход в этот карман запирается ледопадом. За прошедшие двое суток выпало большое количество снега и все трещины на леднике оказались закрыты. Поэтому было решено двигаться не через ледопад, а через боковой отрог в соседний карман ледника Шокальского. Подъём на «перевал Проходимцев» по средней осыпи 35-40^0 занимает 20 минут. Спуск более сложный -- по ледовому склону 50-60^0 с организацией перил (120 метров), приходится преодолевать 2 неширок их бергшрунда. Встали на ночлег в 20 30 на срединной морене.
12	17.08	р. Средний Талгар – бывш. а/л Талгар	Подъём в 9 00. Выход в 11 05. Движение вниз по долине Среднего Талгара, целесообразно осуществлять придерживаясь правой краевой морены ледника Шокальского где проходит тропа с пер. Суровый (2А*). К 16 00 достигаем бывшего альплагеря Талгар, где можно выбрать удобный домик для ночлега. В альплагере в летний период живут работники государственной службы «Казселезащита», которые весьма дружелюбны и готовы оказать любое посильное содействие.
13	18.08	р. Талгар – КПП Алма-Атинского заповедника – г. Алма-Ата	Движение вдоль Среднего Талгара до его слияния с Правым Талгаром осуществляется по хорошо набитой тропе. Местами тропа размыта селевым потоком, но всегда есть обходная (по верху) тропа. Преодолев вброд р. Правый Талгар оказываемся на грунтовой дороге. Чуть ниже слияния Правого и Среднего Талгара на левом берегу реки находится егерский кордон. Вдоль него и проходит дорога, раньше здесь был бетонный мост, который был снесён паводком. Можно переправится на левый берег по трубе проходящей вдоль дороги. Мы переправились на левый берег пройдя 4 км ниже где было переброшено бревно (информация была предоставлена работниками Казселезащиты). Рекомендуется не попадаться на глаза работникам лесной охраны, так как эта территория является частью Алматинского заповедника. Если у вас нет пропусков то нужно говорить, что совершаете аварийный выход с маршрута, в противном случае вас ожидает достаточно крупный штраф за нарушение режима заповедника. КПП заповедника находится на слиянии с рекой Левый Талгар. От КПП идёт хорошая асфальтированная дорога в гг. Талгар и Алма-Ата.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

А.В. Пучкин
руководитель

Ю.И. Тимченко
хроник-летописец

А.П. Ковалёв
завхоз

Э.А. Азовцев
ремонтник-краснодеревщик

Снег, снег...
Белый, белый, косолапый
Снег, снег...
Падает к тебе на шляпу,
Падает ко мне на шляпу,
На мою ладонь...

Вступительная галиматья, или с чего, собственно говоря, всё началось.

Началось всё весьма банально. Закончилось, однако, весьма странным образом. Некий товарищ, именуемый в народе Пучкиным, удумал как-то, то ли со скуки великой, то ли от буйства какого, то ли просто сдуру поход состряпать. И нет, чтобы попроще всё, по-человечески. Так ведь гражданин этот такой маршрут изобрёл, какой воспитанному туристу в кошмарном кошмаре не привидится. В силу ума своего извращённого Пучкин порешил под идеей похода на вертолёте полетать, вдоль границ суверенных (Казахстана, Киргизии да Китая) побродить, да в придачу на славном озере Иссык-Куль поматрасничать.

Идеей своей безумной он опутал-окутал аж 11 человек! Гор золотых-хрустальных-серебрянных наобещал, мест невиданных-диковинных напророчил. Так и повелись на речи сладкие да нежные 11 трепещущих душ.

Подсобрал Алексей Свет Васильевич материалец по интересующей местности, книжицу маршрутную заполнил да в МКК побежал. Там ему перечить не намерились — товарищ он видный, крутизной своей известный, мало ли чего?.. Так и отпустили с богом, прикрыв глаза, помахав рукою на дорожку.

Лишь перед самым выходом опомнились-одумались три человека (Фазылов Марат, Лопаткова Маша, Андрей Ковалёв) и остались дома, здоровьем и благополучием своим дорожа. Остальные же, сломя голову, подались в земли неизведанные за Алексеем Свет Василичем Пучкиным.

К дате назначенной все в Алма-Ате собрались: на Пучкинской квартире — Эдик Азовцев, Юля Тилипенко, сам Пучкин. На квартире Мак-Юзера — Иринка Котликова, Люда Тоц, Серёга Ладыгин, Олег Филатьев, Макунин Лёха (Мак-Юзер). А между тем, корабль пучкинский дал течь и стал идти ко дну... Не думал, не гадал наш друг и товарищ Пучкин о тех великих и непроходимых сложностях, уготованных ему коварною Судьбиною. Слишком многого он возжелал, да ничего из того не получил. Своё непробиваемое несогласие высказали местные бюрократы по поводу прогулок вдоль границы. И бегал Алексей свет Васильевич по чиновникам разным да начальникам. Всё пытался пропуска выбить на границу. И вот уже вроде бы засветила звезда удачи, и озарило уж было счастие его светлый лик, но нашёлся-таки на душу его чёрствый бюрократ... Кроме того ещё и финансы туристов Томских оказались не безграничными, так что про самолёты-вертолёты и думать стало грешно.

Так вот и разлетелись прекрасные мечты да надежды. Народ в панику ударился, горе да отчаянье вселилось в их трепещущие души. Бросились они к Пучкину-начальнику в праведном гневе – пусть тот ответ за деяния свои держит! Алексей Свет Васильевич вину свою осознавал и, подумав, предложил другой маршрутец по Заилийскому Алатау. Всё честь по чести – и с перевалами, и с вершинами, и с реками, и с ледниками, да озёрами. Да прибавил он ко всему этому, что такого может никогда и не смогут больше увидеть товарищи его. Маршрут был составлен необычный, по местам малохоженым, но весьма красивым и интересным, поскольку знал начальник места эти с детства. Но воспротивился народ, взбунтовался и раскололся на два лагеря: ***Пучкинисты*** – Пучкин, Тилипенко, Азовцев (одобряли затею Пучкина) и ***МакЮзера*** – Котликова, Тоц, Ладыгин, Филатьев, Макунин (выразили гневный протест по поводу этого плана). Долго ругались да рядились, проблему решать пытались. Порешили на том, что каждая команда пойдёт

своим путём. Пучкинисты по Заилийскому, а остальные через Заилийский к Киргизскому Ала-Тоо, где им очень и очень сильно захотелось побывать.

В тот же знаменательный день произошел и всемирный раздел имущества – снаряги, продуктов, медикаментов, спальников.

Вскоре к Пучкинистам присоединился Андрей Ковалёв, заметно увеличив численность этого лагеря. Но тут остро встал вопрос о нехватке кошек. Эту проблему взялся решать Андрей. Он имел счастье быть знакомым с неким Димой Супонниковым, весьма приличным и разумным молодым человеком, доблестно несущим в то время офицерскую службу в рядах вооружённых сил Республики Казахстан и находившемся по счастливым обстоятельствам на побывке в Алма-Ате. Товарищ этот был ещё и тем так замечателен, что обладал несметными запасами всяческого снаряжения, в том числе и кошек. Однако, когда Андрей Ковалёв предстал перед личностью этой доблестной, то не поверг её в восторг своим видом недостойным. Дима Супонников был до глубины сознания (и подсознания) возмущен разгильдяйской внешностью Андрея и поставил жёсткие условия: снарягу он даст только после того, как Андрей сбреет свою недостойную бороду, обретя человеческий вид. Андрей же, храня верность своей "недостойной бороде", ни на какие уступки и компромиссы не пошёл, неумолимо ставя под угрозу поход.

5.08.96. было решено посетить Диму Супонникова всей командой и в последний раз, честно взглянув ему в глаза, попросить кошки. Дима красил новую деревянную калитку в зелёный цвет и гостей не ждал. Он был потрясён и умилён нашим визитом. Извиняясь на каждом шагу за зелёные пятна краски на его теле, он радушно пригласил нас в дом. В это время у Эдика неожиданно вышла из строя молния на застёжке его зелёных крутых штанов. И он долго и самозабвенно пытался, что-нибудь сотворить, но увы, безуспешно. Тем временем группа захвата из трёх человек — Андрея, Юли и Лёхи попеременно преданно заглядывали Супонникову в глаза, а когда атака начала приносить плоды, Пучкин честно и прямо попросил у Димы кошки. Тот был счастлив подвести нашу психическую атаку к концу и любезно предложил на выбор всё, что пожелаем. Пучкин упрашивать себя не заставил и резво выбрал две пары кошек, несколько ледобуров и книжку Вуколова "По Северному Тянь-Шаню" в придачу. Между тем мама Димы уже накрыла на стол и пригласила нас пить чай.

Вечером тромбовали-паковали рюкзаки, пересматривали меню, аптечку, перетряхивали снарягу, в последний раз принимали душ, оставляли родичам Пучкина на всякий случай маршрут и телефоны спасателей и морга.

Кто есть кто и кто был кем в этом походе

Пучкин Алексей Свет Васильевич,

он же:

- шеф
- начальник
- Бурабай-Баши
- Пучкин-Веточкин
- вегетарианец

-- Весьма героическая и легендарная личность. Найдётся немало людей в разных городах, которые так или иначе слышали о нём и почли бы за неслыханную честь пожать его могучую руку.

Отличительные черты:

- Шапка-Бурабайка, сшитая им самим в 95 году из спальника Юльки-хроника.
- Круглые, всегда жутко удивлённые, добрые-добрые, невинные-невинные глаза.

-- Находится в постоянном поиске оригинальных, своеобразных решений тех или иных проблем.

Так, он изобрёл скоростной спуск по крутым снежно-ледовым склонам: надо лечь на живот, оттолкнуться... в нужный момент затормозить, вставив ногу в трещину, -- очень быстро, эффектно и захватывающе.

-- В своих вкусах весьма пикантен – без ума от горчицы (носил её весь поход с собой, теряя на каждой стоянке, подвергая себя тем шантажу со стороны Эдика и Юльки).

Не прочь пожевать ревень и другую травку, не брезгует и пижмой (хорошо от глистов помогает). Всю дорогу подсыпал всяческую зелень в общий котёл, вызывая зачастую бурное негодование в массах.

Не был чужд наркотическим опьянениям – на ночь каждый раз закидывался нафтизином и долго прибивался к стенам палатки.

-- Любил между ходками почихать (чихал на всех и на всё).

-- Носил с собой резиновый мячик. Вечерами впадал в детство – резвился, прыгал и катался со своей игрушкой. Где-то на последних стоянках его потерял, с чем долго не мог смириться.

-- Несмотря на видимую моложавость, даже иногда детскую непосредственность и наивность, временами из него начинал сыпаться песок, что было замечено на леднике Дмитриева.

-- Страдал повышенной прыгучестью: прыгал всегда и везде, через реки, трещины, осыпи... в 50% случаев падал (намокал, пачкался, ударялся).

-- Стал избранником единственного, а потому очень капризного примуса, что превратило друга нашего в вечного дежурного.

-- Был добр, заботлив и ласков.

Азовцев Эдуард Александрович,

он же:

-- завснар
-- Эдсон
-- Эдик
--Эдвард

- Весьма мечтательная натура. Всё ему грезилось, что он где-то в Абхазии с автоматом наперевес в разведке в тылу врага.
- В силу своей чувствительности и романтичности везде раскидывал пригоршнями монетки, чтобы вернуться.
- Таскал весь поход памятный дар – зеленые берендейские шорты. На стоянках их сушил, постоянно перекладывал с места на место, но так ни разу и не надел.
- Проявлял большую любовь к конфетам, особенно привязался к «Школьным». Не расставался с ними даже в экстренных ситуациях. Фантики бережно хранил в нагрудном кармане.
- Носил шапку с надписью «СНАОКА». Пояснил, что это всемирно известная фирма по выпуску шапок в Японии.
- Был очень привязан к своей клетчатой рубашке. Заносил её до огромных дыр, не желая с ней расставаться, сшил из неё себе намордник по продуманным и составленным им же выкройкам. Вообще любил свободными вечерами заниматься шитьём и вышиванием. Полпохода шил себе систему.
- Занимал ответственный пост хранителя и носителя воды, что повлекло за собой его незаменимость.
- Обладал пагубной привычкой, которой всецело был подчинён – курил кислородные палочки.
- На протяжении всего похода на каждой остановке пытался установить свой рюкзак в устойчивое положение. Это ему ни разу не удалось – рюкзак падал с завидным упорством. Пучкин по этому поводу постоянно повторял: «Видать карма такая!»
- Иногда ленился выключать фонарик – носил в рюкзаке включенным, чем вызвал подозрение, что и примуса тоже не гасит.
- Носил с собой тушенку и в гордом одиночестве её поедал.
- Держался мужественно, не терял чувства юмора даже на самых тяжёлых и изнуряющих участках маршрута.

Тилипенко Юлия Ивановна,

она же:

- Медик
- зам завхоза
- Хроник-летописец
- Ю
- Юлька

- Отличалась особым упрямством и зловредностью, однако, несмотря на это, стремилась всячески заботиться о членах команды и ДАЖЕ (в глубине души) всех любила и уважала.
- Под идеей лечебного массажа проводила испытания новейшего оружия массового уничтожения (камень, палка, кулак, лом), чем сильно подорвала здоровье остальных участников.

- Являлась хранительницей розовой ленты*, что значительно повышало её статус в обществе. Изредка на этой почве позволяла себе шантаж.
- Не любила сухих слив и конфет. Благодетельно жертвовала их остальным в обмен на признание и уважение.
- В начальной части маршрута не всегда занимала лидирующее положение в походном строю, так как после единички имела растянутые голеностопы.
- Как и Пучкин, травку любила и собирала её.
- На одной из стоянок была отмечена судьбой – нашла ложку и 10 тыс. росс. рублей.
- Весь поход носила с собой каподастер, не имея к нему гитары.
- В конце похода сильно обгорела.
- Как единственная представительница женского пола, пользовалась снисхождением и массой поблажек.
- Не была чужда вегетарианству.

Ковалев Андрей Павлович,

он же:

- Андрюша
- брат

♦Отличался от всей компании ярко выраженными анархическими взглядами и пацифистическими убеждениями, вследствие чего очень страдал от нападок начальника, привыкшего по должности своей командовать.

- Любил всех попугать. Часто, округлив глаза в предвкушении всеобщего ужаса, загадочно произносил: «Хотите, я вас напугаю?»
- В силу ряда обстоятельств не взял с собой систему, о чём очень сокрушался и горевал.
- Как и Пучкин, не прочь был на всех почихать, а также закинуться нафтизинчиком и отъехать.
- Является внештатным рекламным агентом корпорации по производству сухого напитка «Yupi». Постоянно истошно кричал:

«Юпи – это радость и смех,
Юпи – это счастье для всех…».

- В середине похода выдвинул ряд протестов по своим вольнолюбивым убеждениям. Пытался подстрекать народ на массовый побег по домам. В итоге гордо всех покинул, вернувшись в Алма-Ату.

---

* Примечание: розовая лента – туалетная бумага.

Действие 1

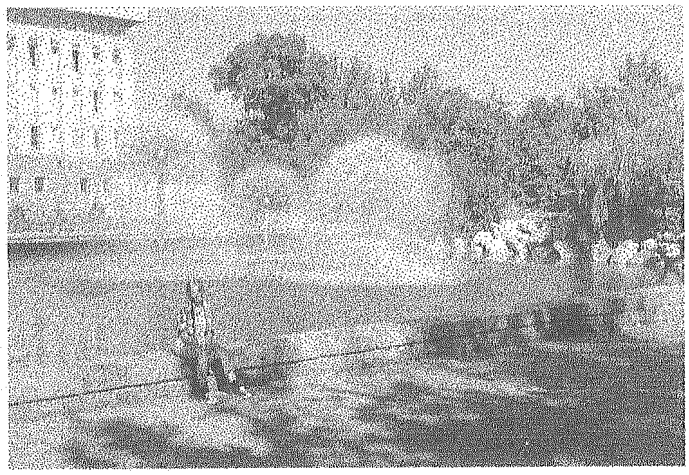
О том, как в автобусе Лёха заехал рюкзаком сразу по двум мужикам, как штурмом брали плотину Медео, как ползли по дороге на Шымбулак, как на стоянке Пучкин достал резиновый мячик , а потом всех накормил недоваренной фасолью.

06.08.96 г.
вторник

Последние напутственные речи бабушки, последняя картошка по тарелкам, рюкзаки не в меру упитанные, до безобразия толстые и кучи мыслей, в истерике шарахающихся где-то в недрах черепной коробки. Вроде бы взяли всё, Андрею позвонили, поговорили, на дорожку посидели, с бабушкой попрощались... что же ещё? Гитару решили не брать – никто не хочет нести ... Да, в принципе, зачем?

Физкульт-привет цивилизации!

Вышли на остановку и погрузились в ожидание автобуса. Последний очень долго отсутствовал, а когда всё-таки подъехал, желающих его оккупировать собралось большое количество. Пучкин Алексей Василич, Азовцев Эдуард Александрович и Тилипенко Юлия Ивановна успешно штурмовали автобус, что стоило однако им больших физических затрат и мужества. В другом автобусе Бурабай Баши умудрился, снимая рюкзак, одновременно заехать им сразу по двум мужикам – одному по мозговой части черепа, другому по челюсти. Слава богу, всё обошлось без жертв, как со стороны мужиков, так и со стороны Пучкина.

На остановке

В назначенное время на остановке 6:^{го} автобуса, следующего на Медео, отсутствовал только Андрей Ковалёв.

На глазах у уже собравшихся товарищей-туристов гордо продефилировал 6^{й} автобус, который, кстати сказать, ходит один раз в час. Спустя полчаса наконец-то материализовался Андрей. Счастливый и возбуждённый, округлив глаза, он воскликнул:

– А хотите я вас напугаю?!

И расширил и без того огромные глаза. Народ с прискорбием приготовился испугаться.

– Я забыл систему, жумар, спусковуху! -- похвастался наш бесценный кадр. Пучкин был в восторге – он то умилялся, то хохотал, то погружался в радостные мысли. Андрей собрался было ехать домой, но дома никого не оказалось (мама с Костей в очередной раз уехали на барахолку), а ключей не было. Так и махнули рукой на эти мелочи жизни.

Своим внешним видом мы создавали некий колорит на остановке. Люди поскромнее на нас озирались исподтишка, менее скромные просто глазели, а те, кто комплексом скромности не обладал, просто подходили к нам и то за каски дёргали, то за ледорубы, то за палочки и засыпали массой интеллектуальных вопросов.

–А зачем вам каски? Там что, камни есть?

–Нет, конечно нет, просто чтобы пыль в волосы не попадала.

–А палочки зачем?

–На лыжах кататься.

–А где лыжи?

–Дома забыли.

–А ледорубы зачем?

–От медведей и от таких как вы, прохожих, отбиваться.

Дорвался до нас один мужик любознательный с толпой каких-то детей.

–Ой, девушка, а Вы скалолазка? Как у Высоцкого (и запел): «Страховала ты меня с наслаждением, альпинистка моя, скалолазка моя...»

–А сколько там метров над уровнем? 4000? У!!! Там ведь почти уже самолёты летают! А там холодно? А снег там есть? Там скалы и льды.. поэзия...

Мужик всё вопросами засыпает, а дети его рюкзаки во все стороны тянут.

Наконец подошел автобус. И снова душераздирающий, самоотверженный штурм. Пучкин висит на подножке и из последних сил цепляется за все выступающие из салона части. Бабушка какая-то из середины автобуса, наблюдая за отчаянными действиями Лёхи из окна кричит:

–Ой, туриста забыли, забыли туриста!!! Помогите туристу, а то его все туристы влезли, куда же он один-то.

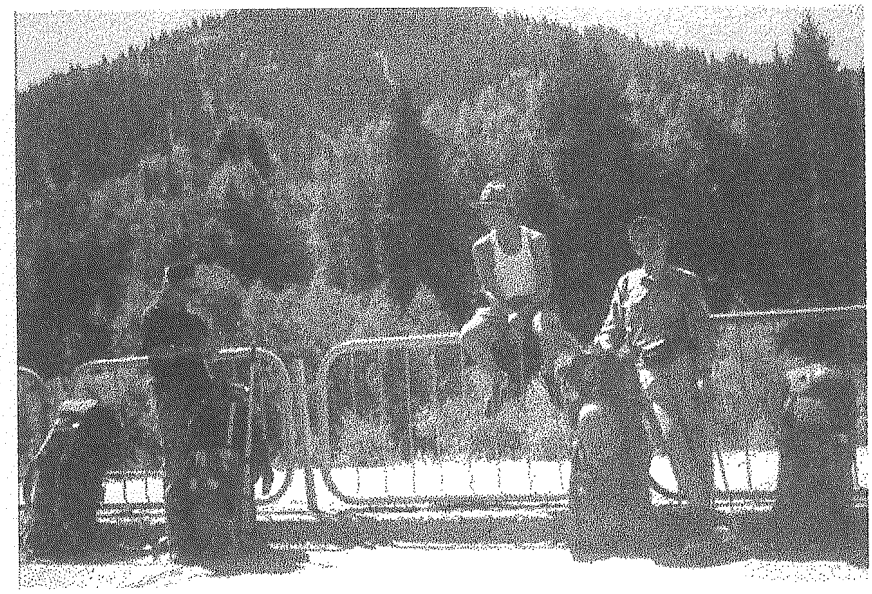
–Туриста нашего подхватили, подсобили, двери с треском закрылись, автобус тронулся. Оглядевшись, замечаем массу других туристов с рюкзаками. Немного поглазев на висящего на поручнях рядом туриста, Юля робко поинтересовалась:

–А вы куда?

–А я не знаю. Начальник наш знает.

–А какая категория сложности?

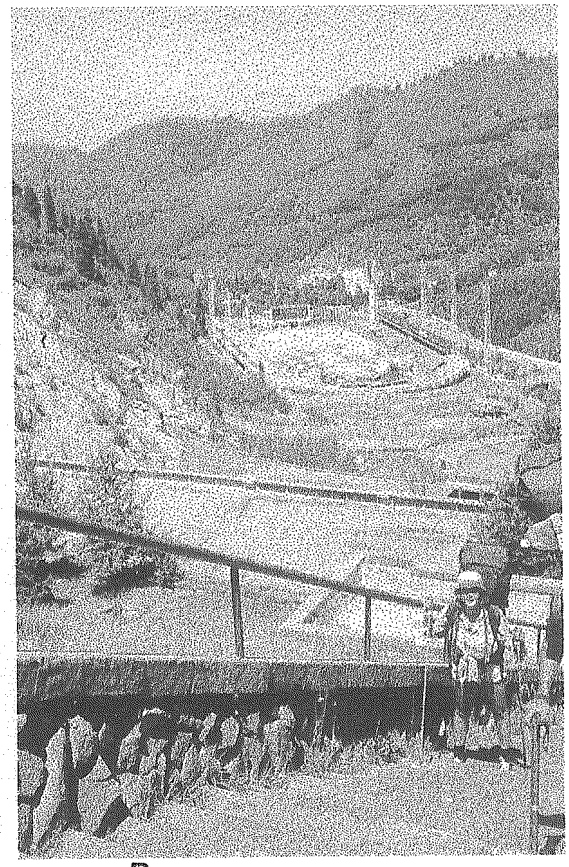
–Да я первый раз, не знаю. Может тройка. Или четвёрка, как получится...

у турникета (на Медео)

Приехали на Медео. Выползли из автобуса. Все туристы как туристы. Повыскакивали, вскинули рюкзаки и побежали. А мы начали тормозить. Неспешно, с чувством, с толком, с расстановкой стали собираться с силами, мужеством и ещё бог знает с чем. Дабы увековечить начало похода, Андрей стал заряжать плёнку в фотоаппарат. Делал он это с такой удивительной тщательностью, что процедура сия заняла у него массу времени. Столь же продолжительно он наводил на народ резкость. Тут вдруг ещё ненароком некоторым товарищам нашим приспичило прогуляться по делам. Только они скрылись за обочиной дороги в прибрежных кустах, как в ту же сторону направилась какая-то дама с дитём. Она остановилась у края дороги и очень внимательно начала вглядываться в близлежащую растительность, где недавно скрылись наши товарищи. Увидала ли она то, что хотела, остаётся загадкой, но интерес её не иссяк до тех пор, пока наши туристы не вернулись. После этого она проследовала в те же кусты.

Вскинули мы рюкзаки, сделали три шага и четыре ступеньки, как Андрей соблазнился на местный коммерческий ларёк, которых тут было множество. Бросил рюкзак и отправился утолять не в меру разбушевавшуюся жажду. Тем временем шеф вспомнил, что не закупил сухих растворимых соков и ринулся исправлять ошибку. Когда всё-таки все уладили свои проблемы, ещё раз сфотографировались и новых неожиданных дел себе не нашли, тогда и началась наша первая ходка. Двинули вверх в сторону легендарных ступеней Медео. Ненароком нарвались на толпу таксистов, страстно жаждущих нас подвезти. Как только они не уговаривали – и уютно нам будет, и быстро, и комфортно и стоит-то всего ничего -- грошн!!! А за такие вот грошн мы бы и сами забежали и машины их на буксире затащили! И вот пошли отсчитывать ступеньки: 1,2,3...,14,15,16..., 47,48,49...

Вверх по плотине

Вдруг начинаешь остро ощущать всю тяжесть рюкзака, хилость ног и сомнения – а надо тебе это? Мимо мелькают дамы в соломенных шляпках, дети в панамках, мужчины в шортах, бабушки с собачками... и все сопровождают жалостливыми взглядами и вздохами. Пучкин, как крутой турист, рванул наперерез по тропе. Эдик пошёл за ним. Андрей гордо вышагивал по ступенькам, а Юля сначала было бросилась за Пучкиным, но одумалась на полпути и вернулась на ступеньки.

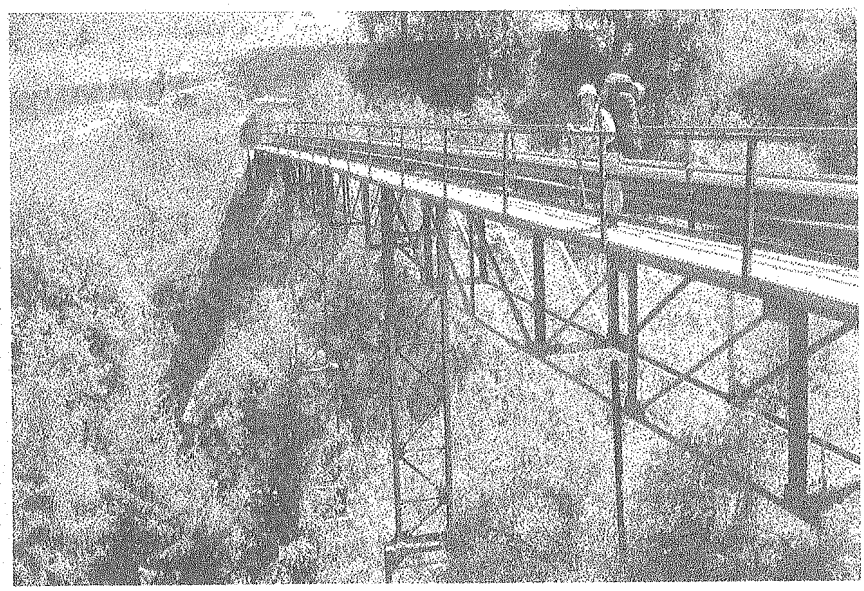
После единички у Юли началась нездоровая пруха. Когда народ взял плотину и присел отдохнуть дабы окончательно осознать это событие, Юля то ли не смогла остановиться, то ли шило в каком месте застряло, то ли ради непомерного тщеславия, бросив на бегу: «Я вас там подожду!», побежала дальше покорять земли Заилийские. На очередном повороте пыл её начал иссякать. Там, в зарослях малины устроила она выжидательную паузу, гордясь своей прытью. Спустя 10-15 минут товарищи Пучкин, Эдик и Андрей настигли Юлю, и все втроём продолжили передвижение в сторону горнолыжной базы Шымбулак. Погода туристов наших баловала солнышком. Увы, баловство это ни к чему хорошему не привело... После часа такого баловства у народа из ушей пошёл дым. Андрей потихоньку отставал и вскоре совсем пропал из виду (оказывается, он нашёл ручей и там плескался, не забывая, однако, о товарищах, лишённых по глупости своей да неопытности живительной влаги). Тем временем Эдик из последних сил, нахлобучивая шляпу на обугливающуюся макушку, шептал потрескавшимися от жажды губами Пучкину:

–Шеф, скоро отдых?

На что Герр Пудгчкиндт, переводя дыхание, переставляя в который раз негнущуюся ногу, хрипел:

–Там, впереди, Эдик, беседка, вщн беседку, Эдик, там впереди...

И Эдик брёл упорно вперёд, жадно охватывая глазами местность, на которой беседки так и не наблюдалось... Юля плелась последней, скользя померкшим взглядом по раскалённому асфальту. Мимо проносились «Волги», «Мерседесы», «Тойоты», из окон которых высовывались полуобнажённые женщины, дети и собаки.

над рекой Горельник

Беседку мы так и не обнаружили. Упали у обочины дороги. Через 20 минут бодрой и весёлой походкой, весьма не свойственной для человека под необъятным рюкзаком при палящем солнце, подошёл Андрей. Его невозмутимый, ещё не потерявший вкус к жизни лик нас озадачил и насторожил. Ответом на наши скорбные взгляды явилась торпеда с водой. Великое счастие озарило наши измождённые лица.

После отдыха шеф принял решение углубиться в местные дебри, чтобы срезать большой изгиб дороги. И народ безропотно последовал за начальством. Начальство толк в дебрях знало, а посему передвигалось шустро. Замыкающие часто пропадали из виду, и их приходилось долго выжидать. Бежали вверх по Малоалматинскому ущелью вдоль реки Малая Алматинка (Алматы Озені). В очередной раз догоняя народ, Юля столкнулась на тропинке с каким-то туристом. Тот был весьма гордого и неприступного вида, в крутом костюмчике, в тёмных очках, с золотой цепью на шее. И то ли по доброте своей душевной, то ли по наивности , Юля радостно улыбнулась и изрекла слова приветствия. На что турист этот ещё плотнее поджал губы, вскинул голову и, храня презрительное молчание, прошествовал дальше вниз по тропе.

Тропа вывела на дорогу. И вновь мы поковыляли вверх под сумасшедшим солнцем. Тут нас очень бодро обогнала парочка туристов. Юля, храня в памяти печальный опыт общения с местным турьём, спрятала улыбку, и на этот раз сохранила молчание. А эти двое оказались очень приветливыми, и теперь Юля мучилась от угрызений совести. Приглядевшись к ним, мы вспомнили, что вместе ехали в одном автобусе. Шеф высказал им своё удивление по поводу их резвости и свежести. На что они похвастались – их подвезли на машине. Это же надо! Мы за это время пешком пробежали, а они на машине...

Дорога привела в альплагерь с баром-рестораном, танцплощадкой и массой других коммерческих развлечений для тех, кому нечего делать. На протяжении километра по лесу то тут, то там были установлены домики, вагончики, палатки. И всюду-всюду шлялись разные «альпинисты».

Мы вышли из альплагеря и встали на обед. Решили костры не жечь, перекусить и побежать до ужина. Пучкин, как начальник, выдал всем по семь печенинок, Юля как медик – по две витаминки, Андрей как завхоз по пять кубиков сахара, две сливы и одной кураге, Эдик как носитель и хранитель воды – воду. В разгаре нашего пиршества (надо заметить – мы уселись прямо на тропинке) через нас пробежала парочка, пожелав нам приятного аппетита. Мы поели и поплелись дальше. Пучкин как истинный маньяк-любитель стремился везде срезать. Так как дорога шла серпантином, в некоторых местах это ему удавалось. Солнце клонилось к закату. Силы наши таяли помитнутно. Мимо нас пробежала какая-девушка. Через час она пробежала обратно. А мы всё идём, идём. Наконец вышли на плотину «Мынжылкы». Сразу за ней нашли ровное место и встали там на ночь. Далеко впереди на склоне на миниатюрной площадочке заприметили пару палаток.

Разгружая рюкзак, Алексей Свет Васильевич изъял из недр его резиновый мячик. И как не старался он изобразить удивлённое лицо, как ни причитал, по ложному пути нас повести ему не удалось. Мы сразу догадались, что это не кто-то случайно подложил ему в рюкзак игрушку, а он сам её с собой взял в поход, чтобы в свободные минуты отвлечься,

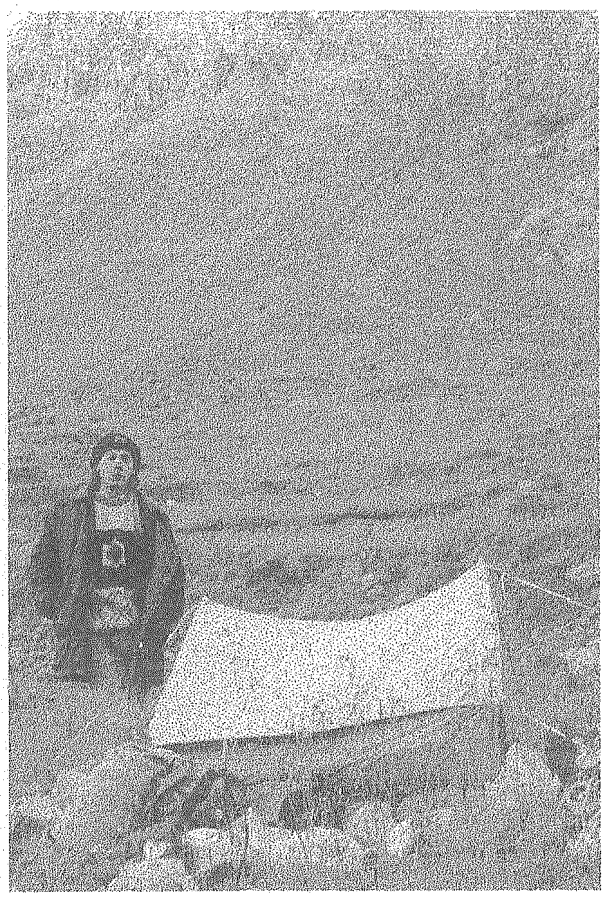
отдохнуть, поиграть. Эта наша догадка неоднократно подтверждалась в течении всего похода – Пучкин очень бережно хранил свой мячик, а на стоянках играл с ним, оправдываясь якобы тем, что выкидывать жаль, а без дела его оставлять неразумно. Правда, в самом конце маршрута он его потерял, по поводу чего жутко переживал и расстраивался.

Настала пора задуматься о схеме дежурства. Идей было много – дежурить шефу и никого больше не допускать к этому важнейшему процессу для избранных; награждать званием « дежурный» за особые заслуги; не дежурить вообще (в этом случае поход отменяется) и т.д. и т.п. Пришли к выводу – дежурить парами – тетка и мужик. То есть мужики дежурят по очереди, а Юля -- как единственный представитель женского пола – всегда. При таком раскладе – мужик главный, а тётка помогает (таскает воду, варит еду, моет кастрюли...). Однако здесь для Юли была возможность заняться халявой – всё зависело от её сознательности и усердия.

Кинули жребий на спичках – кому же быть первым. Первым оказался Пучкин. Он открыл дежурство фасолью, которую настойчиво ему вручил Мак-Юзер, а Андрей, как завхоз, выдал её на ужин. По уверениям Макунина, эта фасоль должна была вариться 20-30 минут. Он, к сожалению, ошибся на парочку часов. Фасоль эта варилась ужасно долго, и не было никаких сил ждать. А тут ещё, перед тем как начать её варить, Андрей радостно заявляет: «Хотите, я вас испугаю?!» Пугаться не было никаких сил, но мы на всякий случай приготовились.

–Я соль, кажется, забыл!

Это был действительно большой испуг. И бог знает, как это могло отразиться на Андрее, если бы он вовремя не нашёл соль.

Андрей готовится ко сну

Когда начало темнеть, народ стал активно готовиться к отдыху, переупаковывая рюкзаки, располагая все тёплые вещи на своих замёрзших телах. Андрей не мог по причине темноты узнать из двух ледорубов свой. Им было решено провести экспертизу – отдать их оба на опознание Эдику. Тот лежал уже в палатке (в позе тюленя – на животе, ногами вглубь палатки, головой на выходе) и изредка подавал голос. Андрей, добрый человек, наивно полагая, что палатка большая, а Эдик где-то в дальнем её углу, с криком: «Эдик, определи где твой ледоруб!» со всего размаху зашвырнул оба ледоруба в палатку, чуть ненароком не изуродовав Эдика. Последний быстро среагировал на летящий в лицо ледоруб и успел увернуться.

Поздно ночью при свече Андрей торжественно внёс суп с недоваренной фасолью. Великая хитрость товарища Ковалёва заключалась в том, что он хоть и настоял на фасолевом ужине, но сам его есть не стал – тщательно выбирал из тарелки фасоль, а если попадало в рот – выплёвывал. Остальные продуктами не раскидывались и фасоль тщательно пережёвывали. Первый, кому она дала о себе знать, был шеф. Может быть он съел её больше всех, а может быть организм ослаб... но уж очень неспокойной для него выдалась

эта ночь. Неустанно через каждые 2-3 часа он вскакивал, продирался к выходу и убегал подышать свежим воздухом, полюбоваться на звезды.

Действие 2

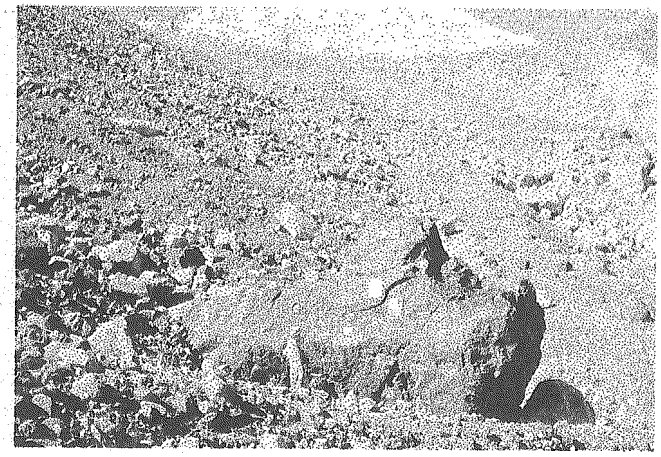
о том, как товарищ Пучкин и товарищ Ковалёв начали на всё чихать, как нарвались на чёрный обелиск, встретили гляциологов, пили чай у москвичей, взяли первый перевал и о том, как вечером Юля истязала народ под лозунгом массажа.

07.08.96 г.
среда

У Эдсона и Юли недоваренная фасоль дала о себе знать с утра. В недрах их желудков творилось такое безобразие, что им поневоле приходилось очень часто производить обследование местных достопримечательностей. Андрей же только наблюдал за происходящим и потихоньку посменвался.

Неожиданно дала о себе знать аллергия – Пучкин дуэтом с Андреем исполняет арию «чихов». Эдик сладострастно доказывает любовь к кислородной палочке. Окончив арию, Бурабай-Баши как дежурный торжественно объявляет начало завтрака, подкрепляя речь рисовой кашей с изюмом и чаем с травкой, которую вчера по дороге запасла Юля.

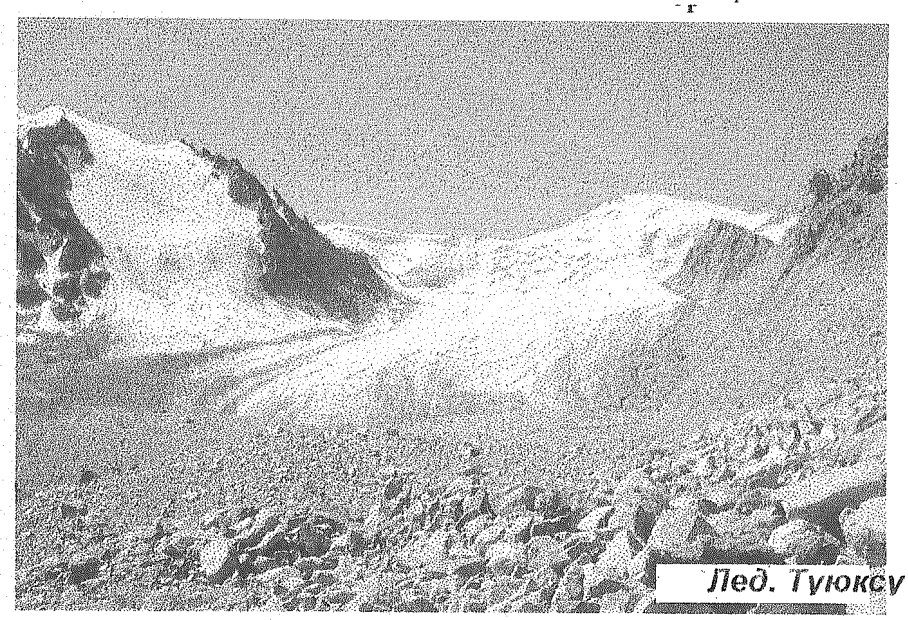
По завершению трапезы Алексей Свет Васильевич размялся с резиновым мячиком и аккуратно упаковал его на дно рюкзака. Пока тормозили со сборами, туристы на противоположном склоне давно снялись. После продолжительных сборов наконец-то двинулись и мы. Сделали одну ходку и нарвались на чёрный обелиск:

Чёрный обелиск

Законы гор добры и строги.
Я не боюсь крутой дороги.
И свой последний вздох и взор
Я оставляю возле гор.

Здесь свои последние вздохи и взоры оставили сразу несколько человек, память о которых хранит огромная тёмная глыба, увешанная венками и мемориальными досками... подходите, товарищи туристы, читайте и размышляйте: а зачем вам нужны эти горы?

Лед. Туюксу

Очень долго прыгали по морене и в 13:00 вышли на ледник. Идём и слышим иногда прерывистое тарахтение мотора где-то далеко впереди. Каждый считает это своей слуховой галлюцинацией, отбрасывает всякие мысли о присутствии здесь техники и поднимается по леднику дальше. Наконец, не выдерживав это

испытание психики, Герр Пудтчкиндт поворачивается к Юле и робко спрашивает: «Ты слышишь?». Юля, радуясь, что не её одну мучает этот глюк, восклицает: «Да, да, я давно это слышу!». Успокоенные немного, эти двое проходят ещё некоторое расстояние, и их взорам предстаёт толпа гляциологов, долбящих каким-то специально для того предназначенным приспособлением узкую скважину. Приспособа эта издаёт звуки, подобные буксующему мотоциклу. Умудрённый опытом, шеф объяснил происходящее: есть, мол, такой контингент людей – романтики-гляциологи, которые готовы годами затаскивать на себе всякую технику на ледники и там устанавливать вешки для определения скорости движения и стаивания (абляции) ледников. Тут подошли Эдсон и Андрей. Тоже поделились своими слуховыми глюками, на что начальник направил их взоры на гляциологов. Подивились мы на этих товарищей издалека. Те, видимо, подивились на нас (они-то тут шарахаются с высокой научной целью, за-ради, так сказать, великой идеи, а вот эти туристы просто так свои рюкзаки таскают по горам в качестве отдыха...)

Обед

Под перевал мы не дошли. Сели обедать на снегу, напротив стоящего долгие годы во льдах трактора. Юля всё рвалась вперёд, хотела обогнать тех самых туристов, которые теперь на наших глазах брали крутой снежный подъём. Но народ требовал еды, и Юля подчинилась неизбежности. Сделали сухой перекус. Вот так... Поход только начинается, а мы ни разу по- человечески не обедали – всё всухомятку. Юля от избытка чувств побегала босиком по снегу. Закончили трапезу и рванули по готовой уже тропе вверх. Впереди неслась Юля, позади остальные – Лёха, Эдсон и Андрей. Что интересно, склон хоть и был крут, но лёд сквозь снег нигде не проступал. Однако народ, прошедший до нас, тропил почему-то в кошках.

Наверху под самым перевалом был уже разбит лагерь – пара знакомых нам палаток и толпа москвичей (6 человек). Встретили нас приветливо, напоили чаем с сахаром, чего обычно от столичных туристов редко приходится ожидать. У них тоже была тройка, но спешить они не собирались и перевал решили брать наутро. Выяснилось, что нам примерно в одну сторону – на ледник Дмитриева. Попрощались до следующей встречи. Пучкин устало спросил у нас: «Кто пойдёт тропить?». Юля как крутая туристка рванула вперёд по склону в 40-45 ° вверх на перевал. Москвичи сидели внизу и ухмылялись резвости не в меру разбушевавшейся тётки.

На пер. Туюксу

Сначала шёл талый снег, потом появились проблески льда. Кругом журчали ручьи, и часто приходилось через них перебираться.

На перевал Туюк-Су зашли в 18:00. Высота – 4100 метров. Добрый начальник выдал шоколадку. Сообразили

записку москвичам, оставили им пачку витаминок. Солнце уже клонилось к горизонту. Давно пора уже было спускаться, но спуск нас весьма расстраивал (около 75 ° – и одна верёвка). Пришлось нахлобучить каски и кинуть верёвку. Начальник дал команду: «Спуск спортивный...» – и пустил вперёд Андрея на показательное выступление. Юле и Эдсону было велено последить и запомнить все движения брата, с целью последующего их повторения. Но Ковалёв запутался в верёвке и полчаса внизу её распутывал. Когда всё-таки верёвка освободилась, стала спускаться Юля, за ней Эдсон и товарищ Пучкин. Алексей Свет Васильевич хотел устроить фокус с двойной верёвкой, но факир был пьян... верёвка запуталась, и Лёха залез снова на перевал, распутал, отцепил верёвку и спустился по скалам. А дальше мы кувыркались в спешке по крутой осыпи, по снегу, по леднику. Бежим вниз. Скоро стемнеет. Пучкин протягивает властную руку вдаль и изрекает:

Начальник в негодовании

–Вон у тех озёр и заночуем.

Истерзанные голодом, спускаемся в указанное место. У «озёр» шириной по большей стороне 2 метра поставили палатку. Дежурный Андрей сидит и упорно на всё чихает. Леха:

–А ну еду готовь!

–Я чихаю...

–Не фиг, потом почихаешь!

Стали ровнять под палатку площадку. Раскапывали ледорубами камни, а потом по указанию шефа Эдик таскал песок в котелке и засыпал под палатку фундамент.

Котелки наши оказались совершенно неадаптированными к примусу, рассчитанному на «бобы». Пришлось дно котелков прогибать булыжником.

Ужином открыл своё незабываемое дежурство Андрей. После долгого колдовства у примуса из под его рук вышли два творения – компот из слив и жутко пересоленный суп. Всё бы ничего, и суп-то был съеден, да ночью всех смертельно замучил сушняк. Постоянно кто-то просыпался и начинал в поисках воды шарить по всей палатке, в том числе и по спящим, которые тут-же просыпались и присоединялись к поискам.

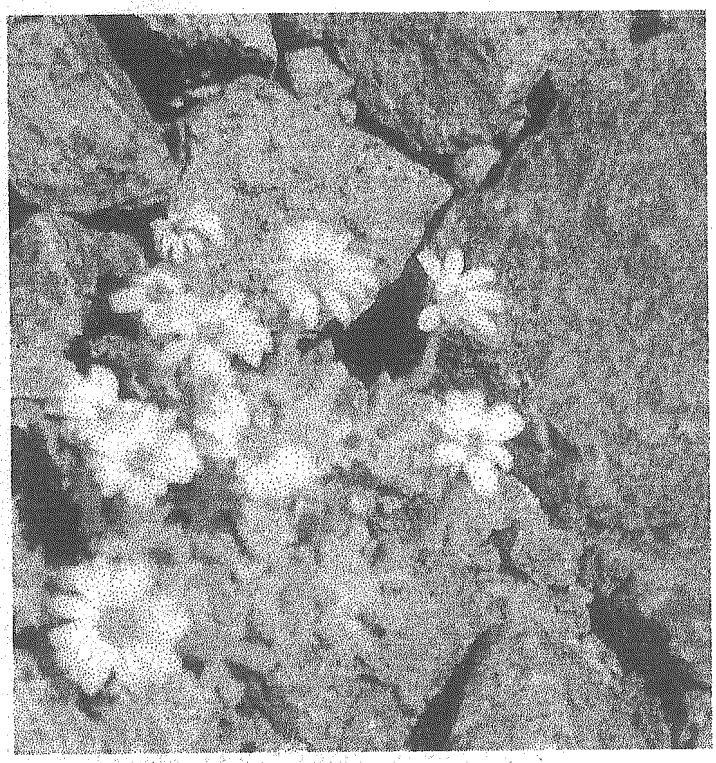
Ещё перед самым сном Юля устроила повальный массаж. Каждый по очереди оголял спину, далее на неё выдавливали ледяной крем, отчего спина вскрикивала и покрывалась мурашками. А потом Юля, никогда ранее этим не занимавшаяся, начинали вытворять на этой бедной спине всякие штучки, которые тут же придумывала – то мяла, то била, то щипала. Спина под таким неожиданным вниманием кряхтела, повизгивала, шипела... Под конец Юля торжественно заявляла: «Всё! Готово! Отползай! Следующий!» – и истерзанную спину сменяла свеженькая, нетронутая, ещё дышащая здоровьем... С этого вечера больше никому не приходила в голову мысль о массаже, а если кому и приходила, то от неё избавлялись как только могли. Ночью выпал снежок.

Действие 3

о том, как мы ели недоваренную пересоленную рисовую кашу, как товарищ Пучкин прыгал через реку, потом всем проводил профилактику от глистов и том, как вечером Андрюша подзанялся агитационно-революционной пропагандой

8.08.96 г.
четверг

С подъёмом мы протормозили до 9:30. Андрюша на завтрак нас порадовал рисовой кашей с изюмом, столь ненавистной Эдсону. И все бы было хорошо, но то ли наш дежурный страстно желал, чтобы его преждевременно сняли с этой должности, то ли рок какой затяготел над ним – и с солью, и с сахаром в каше он чрезмерно переусердствовал, а сам рис не посчитал нужным долго варить. Однако, хоть и недоваренная каша получилась, но зато так подгорела, что Юля полчаса потом ковырялась с котелком в ледяной воде и, стиснув зубы, шипела на Андрея. Сам дежурный своего шедевра пробовать не пожелал (в наших рядах начала сказываться высота – 3800 метров). Долго не могли покинуть место ночёвки – то палатку надо сворачивать, то тарелки облизывать, то вдруг окажется, что рюкзак ещё не упакован, то шефу с мячиком поиграть приспичит...

Реликтовая ромашка (Эдельвейс настоящий)

Двинулись в начале двенадцатого. У Эдика встали от высоты часы. Прошли по морене и вышли на тропу, почти дорогу, промаркированную для особо одарённых туристов турами через каждые 5-10 метров. Спускались по ней около 1,5 часов. Эдсон вырвался вперёд и, развив большую скорость, пробежал наш поворот в ущелье Левого Талгара. Остановили его с великим трудом.

Стали переходить ручей туристов. Пучкин всё норовил где-нибудь его перепрыгнуть,но со своим рюкзаком этого сделать не решился. Снял рюкзак с Юли и совершил этот трюк – перепрыгнул и даже не упал, но всё-таки поскользнулся и чудом не упал в воду. Скинул на том берегу ношу, перепрыгнул назад и начал уговаривать Юлю повторить его номер. Уговоры оказались тщетными – она поднялась чуть повыше по реке и перешла по камушкам. Пучкин же принципиально переходить не хотел. Пока Юля устраивалась неподалёку на обед, Лёха всё примерялся и так, и сяк, но прыгнуть со своим рюкзаком всё-таки не рискнул. Разум восторжествовал и в его попытках перекинуть свой несчастный рюкзак отдельно. Кончилось всё хорошо – он всё-таки перешел реку по камушкам. Тут подошёл Андрей и нехотя приступил к дежурству. Эдсон явился самым последним – слишком далеко убежал и поэтому долго возвращался.

Погода нас жаловала солнцем. Однако подозрительные тучи гнало ветром в нашу сторону. С дождём на маршруте мы пока не встречались, и такая перспектива нас не радовала. Ещё почему-то нас неистово атаковала туча слепней («бзыков»). Эти подлые насекомые ловили любые моменты и пользовались ими от всей своей подлой души. И как

мы ни отмахивались, как не отбивались, пришлось нам в жару, на солнцепеке одеваться по самые уши.

Пока Андрей готовил обед, товарищ Пучкин решил воспользоваться свободной минуткой и обратился к Юле с вопросом:

– Дай-ка мне розовую ленту.

– Что-то больно большой популярностью она пользуется!?

На что Алексей свет Васильевич радостно подхватив рулончик, уже на ходу изрёк:

– Наоборот – хорошо! -- жизненные процессы не утихают...— и скрылся в близлежащих зарослях.

Наконец, Андрей позвал к обеду и представил нам своё творение – суп с рожками. И на этот раз всё было пересолено до ужаса. Ко всему прочему товарищ Ковалёв насыпал в суп пижму, которая отдавала горечью. На удивлённые вопросы Юли о цели, преследуемой им путём добавки пижмы, Андрей рассказал, что обнаружил её в приправах и специях, выданных Мак-Юзером. А Герр Пудтчкиндт как специалист авторитетно заявил, что это не что иное как ромашка, и в супе она – неотъемлемый компонент. На самом же деле шеф, очевидно, решил в наших рядах провести профилактику от глистов.

Закончив обед, собрались быстро и двинули вверх вдоль реки Конституции(по Вукколову) или реки Левый Талгар (по Пучкину). Прошли 15 минут и, оглянувшись, заметили вдали москвичей. Такая прыть нас подтолкнула на подвиги, и мы стали штурмовать крутой сыпучий склон. Это длилось около 40 минут. Но зато мы взяли одним махом около 100-200 метров высоты. Посидели, перевели дыхание. Поискали взглядом наших москвичей и, к своему удивлению их не обнаружив, уже не торопясь пошли по моренам в поисках стоянки. Спустя час встали на ночь.

люпики

К великой радости Юли, дежурство Андрея завершилось, и пост принял Эдсон. Пока по Пучкинской методике он сотворял суп с ревенем, в массах наметились реакционные движения с элементами анархизма. Источником их являлся Ковалёв. Поставив палатку, уложив вещи, он мечтательно невзначай заикнулся о том, что мы неплохо прогулялись, пора бы и по домам. Это было расценено как шутка. Мы повеселились, внесли идею дополнительную – времени даром не терять, а возвращаться прямо сейчас, бегом – кто вперёд...

Сели ужинать. Эдвард переусердствовал с ревенем, и от этого суп получился очень кислый. Пучкин радостно причмокивал над тарелкой и требовал добавки. А Юля, доведённая до отчаяния дежурством Андрюши и возлагавшая последние надежды на товарища Азовцева, в великом трауре, со скорбным лицом ковырялось ложкой в тарелке. В конце концов, не выдержав, она демонстративно отказалась от супа и налегла на компот, в котором к её ужасу тоже оказался ревень.

После ужина Андрей Свет Павлович продолжил развитие мечтаний на тему окончания похода более настойчиво. Не найдя одобрения и поддержки, перешёл к революционно-агитационной пропаганде. По его мнению, начальство оказалось слишком деспотичным – не позволяло расслабиться, отдохнуть, оглядеться вокруг. И вообще поход этот не удовлетворял ни эстетических, ни духовных потребностей. Опять-таки не вызвав в душах и сердцах товарищей отклика, Андрей пришёл к окончательному решению – отсюда надо сваливать!

Это решение он предъявил шефу, тому оставалось только отпустить его с богом. Перед сном началась торжественная передача грузов -- палатки, полиэтилена, еды, перес-

чёт продуктов на троих. В завершении обязанности завхоза были возложены на Юлю. Та как полноправный завхоз, выделила на дорожку товарищу Ковалёву сыра, сухарей, шоколада. Раскидали продукты по рюкзакам всё ненужное отдали Андрею. Пока собирались, паковались, вытрясли обещание с него, что, если живые вернёмся, нам причитается пара дынек (впоследствии никаких дынек мы так и не увидели).

Перед сном при свече долго по палатке ползали туда-сюда Юля и Пучкин, шипя и ругаясь друг на друга. Причиной этих ползаний была одна общая идея – сфотографировать Юлю со свечой Пучкин хотел сделать ручную выдержку, а Юля доказывала, что это излишество. 400[й] плёнка и так возьмёт свечку. На этой почве и происходила возня по палатке. Эдик с Андреем жались по углам у входа и с тоской восклицали:

– Скорее! Господи! Спать пора!...

(Позднее выяснилось, что была права всё-таки Юля).

А москвичи нас так и не догнали. Они, видимо тормознули там, где мы обедали. Но путь их лежал на ледник Дмитриева, а поскольку мы направлялись туда же, то надежда попить у них чай с сахаром нас ещё не покинула.

С каждым хребтом нас становится всё меньше. Вот завтра нас уже будет трое... А что будет через пару дней? А кто вообще вернётся домой?

Действие 4

о том, как мы прощались с Андреем, как прыгали и скакали по леднику Дмитриева, как из Пучкина полезли перья, потом посыпался песок и о том, как Эдик ночью дышал через дырочку в палатке

9.08.96 г.
пятница

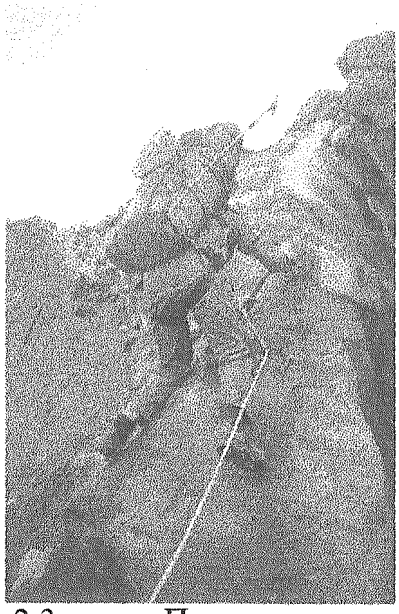
Дежурство своё Эдсон продолжил в 6 00 утра. В 7 30 были подняты остальные. Начальник отдал распоряжение собирать рюкзаки, а после завтрака сразу тронуться в сторону ледника Дмитриева. Собрали палатку, полиэтилен, продукты, верёвку... Рюкзаки значительно прибавили в весе. Сели последний раз всем составом позавтракать. Постарались вспомнить для Андрея массу разных поручений, напомнили о дынях, передали всем приветы, и наступила горькая минута прощания. Как впоследствии утверждал Эдик, для него она была самой горькой и печальной в походе. В скорби великой Андрей чуть не унёс собой весь запас «Yupi». И вот все слова сказаны, рюкзаки так на спины и просятся. Сначала шли на полусогнутых. Но через пару ходок ноги наши распрямились и уже не сгибались совсем – так и ходили как на костылях до конца.

ледник Дмитриева

В этот день, надо заметить. Мы получили массу развлечений сразу. Сначала очень долго и утомительно скакали по моренам и осыпям, а потом по ним же, но в два раза покруче карабкались 1,5 часа. При этом начало припекать солнышко и начальник стращал нас кучей камней, которые сейчас начнут нам падать прямо на головы и мы, затаив дыхание, чтобы не спровоцировать обвал или камнепад, робко ступали по камням вверх... Вышли к

удивительному моренному озерку, упрятанному в камнях, очень аккуратно замаскированному. У него сели отдохнуть. Между делом шеф побежал посмотреть траекторию нашего дальнейшего передвижения. Постоянно где-нибудь рядом сходили то небольшие сели, то шумели камнепады. Нас обуревало страстное желание как можно скорее отсюда сделать ноги, а меж тем слева находился крутой осыпной склон по которому то и дело летели камни, а справа ледник Дмитриева до безобразия разломанный со множеством трещин и ледовых уступов, где не было ни метра ровного места. Туда-то мы и направились за нашим безумным самоотверженным начальником.

Одели кошки. Лёша навесил перила (действовал он весьма героически), по ним и прошли Эдсон и Юля. А дальше мы бежали за Герром Пудтчкиндтом по грудам льда, перепрыгивая трещины, переползая моренки. В одном месте нарвались на массу закрытых снегом трещин, шириною 2-3 метра. Проходили их в связке и в 15 00, измученные, поставили палатку, чтобы завтра рано утром пойти на перевал.

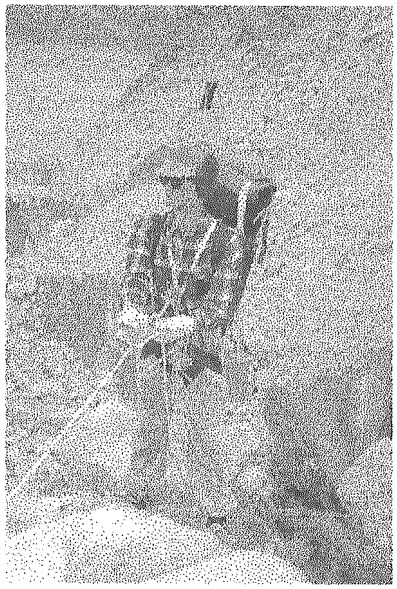
Погода испортилась – небо затянуло свинцовыми тучами, иногда идёт крупный редкий дождь.

Пучкин сидит и чинит кошки. Из пуховки сбоку торчит перо. Юля:

– Ой, из тебя перо лезет!

– Из меня много чего лезет в разные моменты моей жизни! Так что попрошу вни-

мания не акцентировать!

Эдсон:

– Так ты Лезун?

– И что я лижу?

– Ты ничего ни лижешь, ты ведь лезешь – ***Лезун***!

На обед Эдуард Александрович нас баловал киселём и супом.

Мимо пробежали москвичи и, кажется нас не заметили. Куда уж нас заметить с Пучкинской маскировочной палаткой? Это не их лимонная люминесцентная буржуйская! На перевал они не пошли, встали на леднике в низинке так, что мы их не видели. Вот уже третий день бежим с ними на перегонки. Вот встанем завтра в 5 00, побежим, их разбудим и вперёд – на перевал. А если всё-таки они пойдут впереди то уж наверняка нам в туре оставят наши витаминки с запиской: «Нам чужого не надо!».

Тучи всё-таки развеяло ветром и вечером выглянуло солнце. Тут же все камни вокруг были увешаны мокрыми носками ,ботинками, верёвками... Эдсон сел шить себе беседку (к бешенству начальника он её, оказывается, ещё не сшил и носил с собой полуфабрикатом. Эта тайна раскрылась тогда, когда мы шли по перилам с жумарами и позже в связках.). Юля забралась в палатку и там забылась безмятежным сном. Проснулась она от приглушенного голоса Лёхи:

– Если ты, Юля, хочешь сфотографировать закат, то давай скорей, потому что через минуту он кончится.

Закат на л.д. Дмитриева

Юля успела схватить фотоаппарат, пулей вылетела из палатки и сделала с «бух ты - барах ты» один кадр, толком не наведя резкость и выдержку. Тут же солнце скрылось, небо погасло и Юля зашипела на Пучкина. Оскорбилась она на него до самой глубины души за то, что на разбудил раньше. Этой своей оплошности шеф и был обязан продолжительным нападкам Юлии Ивановны.

На полу в палатке обнаружился песок.

– О, это с той стоянки остался, -- сказал шеф.

– Да это же с тебя сыпется! -- возразила Юля.

Несмотря на возможность заняться халявой, она выдвинула свою кандидатуру на пост дежурной. Ни Эдсон, ни Лёха возражений особых не имели, и на вечер Юля была единогласно избрана дежурной. Освоить примус ей не составило труда, однако к великому её огорчению мужики очень часто стремились проявить свое джентльменство и сами разжигали примус.

Суп сварился быстро, а вот с чаем возникли осложнения. Народ уже поужинал, солнце давно село и опять пошёл дождь. Юля, проклиная свою неудачную затею, в который раз под дождём разжигала погасший примус. И вот, когда дождик затих (часов в 11 00), Ивановна вся злая и мокрая унесла чай. Шеф попросил Эдсона достать фонарик. Эдуард Александрович извлёк требуемое из рюкзака и оказалось, что лампочка во всю горит – фонарик лежал в рюкзаке включенным. Бурабай Баши покачал головой:

– Он у тебя так всегда светится? Может у тебя и примус в рюкзаке постоянно горит? Смотри, перерасход бензина будет!

Фонарик решили поберечь и зажгли свечу. Тут Эдику привиделся пудель – тень от куртки. В ответ Пучкин состроил тень крокодила и для убедительности полязгал зубами. Эдвард в свою очередь изобразил собаку, а Алексей Свет Васильевич следом – бабку. Эдик в долгу не остался и тоже соорудил бабку. И тут они устроили целый театр теней, Пучкин повизгивает:

– Здорово старая!

– Сама старая, а я молодая и красивая, -- кряхтит Эдик.

– Ой, ой, ой, красавица-то какая!

И так продолжалось минут 30. В творческом экстазе пыхтели и причитали то визгливыми голосами, то старческими басами... Унять их Юле стоило великого труда.

К 24 00 разлеглись по спальнику, потушили свечу. Пучкин как старый аллергик с вечно заложенным носом на ночь каждый раз закапывал нафтизин. Вот и в эту ночь не забыл им закинуться. В конце концов его примеру решил последовать и Эдсон. На это Пучкин заметил:

– Кстати, это вредно – слизистую оболочку сжигает.

– Что же ты сразу не сказал? Я больше не буду, -- запереживал Эдик.

– Правильно, молодец! Пока на пипетку не сел не надо баловаться. Мне вот уже поздно – я на пипетке давно сижу.

Со стороны Эдуарда Александровича в палатке давно уже зияла дырочка. Шеф ещё в первые дни дал ему указание дырочку эту зашить, на что «ремнабор» отмахивался, уверяя, что ему и с дырочкой хорошо. А тем временем за бортом начинался шторм, загромыхал гром, засверкали молнии, полил страшный ливень. Пучкин участливо поинтересовался у Эдика:

– Ну как тебе дышится через... это самое?

– Через дырочку?

– Да, через дырочку.

Эдик вдруг задумался секунд на 20, а потом озадаченно спросил:

– Через какую дырочку?

За ночь наш перевал обильно посыпало снегом, закрыв трещины.

Действие 5

о том, как ползли в кошках на перевал Дмитриева Восточный, как на спуске нашли рюкзак, набитый снарягой и деньгами, как на стоянке Юля нашла 10 000 тыс. рублей и о том как шеф нас гонял на ледовые учения.

10.08.96 г.
суббота

Как ни собирались мы встать в 5 00 утра, ничего-то у нас не вышло. В это время утром шёл снег. Пробуждение наступило в 7 часов. Повыползали из палатки и стали укладывать вещи. В это время готовился завтрак.

– Ну что, Эдик, , поведёшь единичку в следующем году? -- спросил Пучкин.

– Если только 50 километров в месяц... – ответил Эдсон.

– Не, для единички надо 100 километров.

– Тогда за два месяца, -- отвертелся Эдик.

Откушали, вскинули рюкзаки и рванули на перевал Дмитриева Восточный. Скоро

на ближнем склоне появились наши москвичи – поднимались на соседний перевал – 2А*. Они продвигались очень медленно и мучительно по снежному лавиноопасному склону, проваливаясь по колено и выше. Мы же пока вприпрыжку бежали по морене и снегу на перевал, жутко сочувствуя москвичам, которые теперь обходили огромную трещину. Скоро и у нас халява закончилась и начался лёд. Нацепили мы кошки и ожесточённо двинули вверх. Впереди бежал Алексей Свет Васильевич, потом ползла Юля, за ней Эдсон.

Силы начали иссякать, они таяли с каждой секундой. Хотелось откинуть ноги и мчаться по льду вниз, набирая скорость, в голубую прекрасную даль... Но шеф был непреклонен и ноги откидывать не позволял. Час мы царапали этот ледяной склон своими кошками и вскоре впереди забрезжили скалки (выход скальных пород). Там и сделали отдых. Начальник ушёл на перевал, а Юля осталась ждать Эдика и отдыхать. И так её разморило, что на радостях она стянула с головы каску и отшвырнула её подальше. Последняя покатилась вниз по льду и случайно застряла в снегу. Швырять каску Юля совсем не хотела – это получилось ненамеренно и теперь она в ужасе сидела и наблюдала за каской. Вернулся Пучкин, и сразу заметил Юлькину потерю. Зашипел на неё, погрозил кулаком и сходил подобрать шлем. Поразмыслив над положением дел, Бурабай Баши отправил Юлю на перевал без рюкзака, пообещав его собственноручно туда доставить. Москвичи тем временем давным-давно взяли свой перевал и навсегда скрылись из поля нашего зрения. Больше мы их никогда не встречали.

Пучкин встретил Эдсона на скалке, пожал ему руку, поздравил с прохождением самого сложного участка и вместе они вышли на перевал, где их давно дожидалась Юля.

Тур искали долго и нам стоило большого труда его найти. Алексей Васильевич, как творческая личность с небывалым воображением, разглядел-таки в камушке на снегу какое-то подобие тура. И действительно, под камнем была записка 1992 года от москвичей, выполненная на крутом бланке. Добрый шеф выдал шоколад. Съели, пофотографировались и стали спускаться по леднику, покрытому мокрым снегом. Пошёл мелкий дождь. Кругом всё мокрое и серое... и тут на спуске мы нашли разодранный в клочья рюкзак. Наши предположения после осмотра найденного: в 1980 году некий москвич по фамилии Миронов посеял свой рюкзак в трещине (может сам туда с ним упал, может просто уронил). Теперь, спустя 16 лет, рюкзак вытаял из ледника .

Из воспоминаний шефа: «Иду. Дождь. Вдруг смотрю – система абалаковская валяется! Вот, думаю, интересно кто это тут системы разбрасывает? Поворачиваюсь, глядь – а рядом связка карабинов, крючьев и молоток скальный! Дело нечисто... надо искать кости!»

Из воспоминаний Юли: «Иду. Дождь. Вдруг смотрю – бумажник валяется! Сколько живу, а ни разу рубля ни находила, а тут в горах – и целый бумажник! А в нём 85 рублей советскими пятёрками, мелочь железная и паспорт. Интересненько, надо ещё что-нибудь поискать... Фотоаппарат! «Смена»! Вот бы проявить плёнку...

Из воспоминаний Эдика: «Иду. Дождь. Вдруг смотрю – носки замороженные валяются. Пучкин потерял? А почему замороженные? Чтоб не пахли и не портились? А рядом ещё пакеты замороженные, рюкзак весь истерзанный... Наверное волки какие туриста задрали. Поближе ледоруб приготовить надо.»

Подсобрали мы быстро вещи и побежали дальше искать место под обед. Товарищ Пучкин, как великий Сусанин, завёл нас в глинисто-илистое болото, где мы успешно увазюкались по колено. Выбрались на твёрдое место и добрейшей души человек – Алексей Свет Васильевич позволил сесть под полиэтилен и устроить сухой перекус. Достали баранки, закусывали сыром и сухарями, потягивали из торпеды «Yupi». Наивно надеялись на окончание дождя. Не тут-то было... терпение шефа иссякло и он отдал команду собираться. Прошли минут 20 и нарвались на хорошую площадку для ночёвки. Эдсон рвался дальше, а Юля и Лёха большинством голосов его подавили и здесь было решено разбивать лагерь (18 00 часов). Вся стоянка переполнялась следами цивилизации – фантики, коробочки, баночки, пакетики пестрели на каждом шагу. Стали устанавливать палатку. Юля, отойдя села на камушек и взор её упёрся в бумажку между камней бумажка оказалась достоинством 10 000 рублей. Эдик предположил, что это туристы оставили как плату за уборку стоянки. А Пучкин решил, что это просто благотворительность и посоветовал поискать ещё – вдруг найдутся доллары или хотя бы марки, на худой конец теньге. Полчаса Юля тщательно перебирала все камешки, но не нашла даже рубля, очень расстроилась и приступила к более детальному осмотру найденных на леднике вещей. Среди снаряги в общей связке были ещё и новенькие кошки. В паспорте обнаружилась заначка в

конверте – три рубля и документ, датированный 1979 годом. Жив ли сейчас хозяин этих вещей – осталось для нас загадкой*.

Дождь как-то незаметно прекратился, выглянуло солнце. Тут вдруг Пучкин заприметил ледовую стенку вдали и погнал своих подчинённых на ледовые учения. Когда подошли под лёд, опять пошёл дождь. Эдик стал замерзать, но начальник был грозен и непреклонен. Пришлось облачиться в системы, обвешаться всяческим железом и по распоряжению шефа Юля полезла в кошках с ледорубом по стенке. Она вкручивала ледобуры, навешивала перила, а сам Пучкин шёл пешком рядом и давал ценные указания. Потом Эдик лёз по перилам на жумаре, собирая ледобуры. Кончилось всё спуском Юли и Эдика на спусковухах, а Пучкин скинул верёвку и спустился по склону рядом.

Замёрзшие, мокрые, голодные и уставшие, но довольные мы вернулись в лагерь и приготовили ужин. Ели при свече и завалились спать в 11 вечера. Дождь шёл всю ночь.

Действие 6

о том как шеф просыпал изюм в песок, как прошли реку Жангырык, встретили чабанов и о том как по ошибке Пучкина мы пробежали лишних 6 км и встали на ночь в 12 часов

11.08.96 г.
воскресенье

Проснулись без будильника часов в 8. Добрый шеф, приоткрыв один глаз, сладким голоском пропел:

Пора давно уже вставать –
Дежурным примус разжигать,
Уж день давно кончайте спать.
Дежурным всем пора вставать...

Зевнул, перевернулся на другой бок и вновь уснул. А Юля, скрепя сердцем поползла на выход, готовить гречневую кашу без молока. Спустя полчаса, когда завтрак был готов, проснулись наконец-то Эдик и Лёха. Получив гречку, народ оказался перед выбором – солить её или сахарить, так как Юля намерено сделала её безвкусной. Эдсон сразу, не раздумывая посолил, Юля посахарила, а Пучкин стал терзаться выбором. Мучился долго и решился насыпать сахара, когда остальные уже доедали. Размешивает Алексеё Васильевич кашу и сладостно мечтает: «Молочка бы сюда...». пошёл дождь. Шеф дал команду ждать прояснения и мы приступили к выполнению.

Курсируя по палатке с мешком изюма, господин Пучкин умудрился его рассыпать в песок. Поохал для приличия и припорошил разбросанный изюм песочком, приведя Юлю в тихий ужас своей халатностью и бесхозяйственностью. Чтобы заполнить минуты бездействия Герр Пудтчкиндт начал светскую беседу:

– А не остаться ли нам здесь лет на десять? -- А потом решив блеснуть логикой, поправился:

– Нет на двадцать лет, так как москвич Миронов, чей рюкзак мы нашли, был здесь 16 лет назад, а москвичи на нашем перевале – 4 года назад. 16+4=20 лет. Значит, и нам здесь быть 20 лет.

– Наоборот!!! 16 на 4 накладывается – 12 лет получается! -- начал возмущаться Эдсон.

А Пучкин продолжал блистать безукоризненной логикой:

---

* Позднее выяснилось, что рюкзак принадлежал московскому туристу Николаю Миронову, который упал в трещину и погиб от полученной травмы (перелом основания черепа) в 1980 году.

– Как это? Смотри: Моя мама родила меня в 20 лет и мне сейчас 22 года. 20+22=42 года нам сейчас с мамой – и мне и маме.

– Нет! 4 года назад были москвичи, значит мы тоже 4 года назад должны ... – продолжал сопротивляться Эдик.

– Приходи ко мне вчера будем съели пирожки?!

– Почти так, только 4 года.

–Нет, 20 лет – 16+4=20! И раз уж нас трое, то 20+20+20=60. Т.е. 60 лет должно быть каждому когда мы через 20 лет отсюда пойдём.

А пошли мы в 11 30. Одолели морены и вышли к истоку реки Жангырык – из груды льда она вырывалась мощным потоком и неслась вниз, по ущелью.

Заобедали напротив ручья Козьи потоки. Чуть ниже нас ждал сложно проходимый каньон. Пока готовился обед начальник побежал глянуть можно ли пройти по нему. Через час он вернулся. После непродолжительного совещания и изучения картографических материалов решили, что лучше обойти каньон сверху по тропе. Шеф ткнул пальцем на карте в ручей, впадающий в Жангырык и сказал:

– Сюда мы должны прийти к вечеру.

И мы побежали...

После каньона наш путь лежал по травянистой, пологой долине. После двухчасового спуска остановились отдохнуть у ручейка. Тут появились два чабана на лошадях с ружьями за спиной. У седла одного из них был привязан труп сурка с окровавленной головой. Щедрые чабаны стали нам предлагать мяса и рыбы, но начальник наш робко отказался. Ниже по склону, позже, мы заметили целую тусовку чабанов у костра. Бурабай Баши предложил встать на ночёвку здесь, а не бежать до намеченной речки – всё равно она где-то уже недалеко. Но Эдик был не согласен, воскликнув:

– Раз уж решили дойти до реки. Так дойдём, тем более недалеко!

И мы снова побежали. Но лучше бы остались... Как оказалось гораздо позже, шеф ошибся в картах и тот ручей у которого мы встретили чабанов и был нами намечен как конечный пункт... Алексей Свет Васильевич, убедительно заявил, что через 15-20 минут мы прибудем в назначенное место. Но проходили 20,30,50 минут, а ручья не наблюдалось.

Шеф упорно твердил: « Вот за Этим поворотом!» – но этот поворот сменялся следующим и так без конца. А между тем солнце село, появились звезды, тьма сгущалась. Эдик и Пучкин бежали впереди, Юля плелась далеко-далеко позади. Прошло уже 1,5 часа, долгожданной реки не было и в помине. Тропинку приходилось искать на ощупь изредка проваливаясь в сурковые норы, натыкаясь на камни. Мужество и прыть нас давным-давно покинули. Теперь нами правили голод, жажда и шеф Пучкин. Темнота, звезды, грохот реки Жангырык и безумная мечта лечь и поспать...

Вышли к реке мы в начале 12го. Река эта называлась Юго-Восточный Талгар. В полной темноте начали ставить палатку и разжигать примус. И то, и другое получалось весьма своеобразно и оригинально палатку Юля с Лёхой поставили в сухотравье колючем и высоком (это выяснилось утром, после чего все ломали головы как это им удалось сделать). А у примуса сорвало клапан и теперь он то полыхал пионерским костром, то Пучкин бился над ним около часа. Потом он плюнул, сгонял за водой (глинисто-мутно-зелёной, оставляющей песок на зубах). Мы развели Юпи, достали сливы, сухари, сыр и устроили сухой ужин.

Герр Пудтчкиндт съел сливу, швырнул косточку за дверь и изрёк:

– Пусть здесь вырастет чернослив!

– Пусть здесь вырастет много чернослива! -- кидая косточку туда же воскликнул Эдик.

Перед сном размышляли об убитом сурке. Эдик:

– Меткий чабан – прямо в голову попал!

– А может он так голову расчесал? -- спросила Юля.

Вставил своё слово и Пучкин:

– Алла! Чабан ему в лапу попал, а сурок вскрикнул: «Ой, больно!» И ну лапой голову чесать. Так вот и расчесал насмерть. Или нет, чабан у норки написал: 2*2=5. Сурок вышел, увидел и в удивлении голову расчесал.

В этот день мы пробежали лишних 6 км. Легли спать в 11 30 ночи.

Действие 7

о том как дежурный готовил завтрак 5 часов, как шеф приговорил себя к вечному дежурству, как мы грели косточки на солнце, как дошли до озера Богатырь и как Эдик прощался со своей рубашкой.

12.08.96 г.
понедельник

Хотели выйти пораньше. Эдик – дежурный встал в 8 утра и отправился разжигать примус. Мучился долго и в итоге подключил к этому мероприятию Пучкина. Так вдвоём они проколупались до обеда. Тем временем Юля выспалась досыта и проснулась от невыносимой жары – солнце пылало изо всех сил и по такому случаю была объявлена всеобщая сушка. По склону в хаосе валялись носки, пуховки, шапки, свитера, кеды, мешочки, ложки, и спальник – туристы! Примус починить не удалось и шеф перекрыл клапан окончательно, настроившись на аварийное использование – в случае перегрева корпуса, примус взрывается. Тем самым шеф обрёк себя с этого дня на вечное дежурство.

На завтрак-обед ели рисовую кашу с изюмом. Эдик:

– Ты, Пучкин вечно сухари себе под нос кладёшь – не дотянуться!

– Нет! Я по центру ложу. Кто центральная личность в походе? Я! Вот я по центру и ложу.

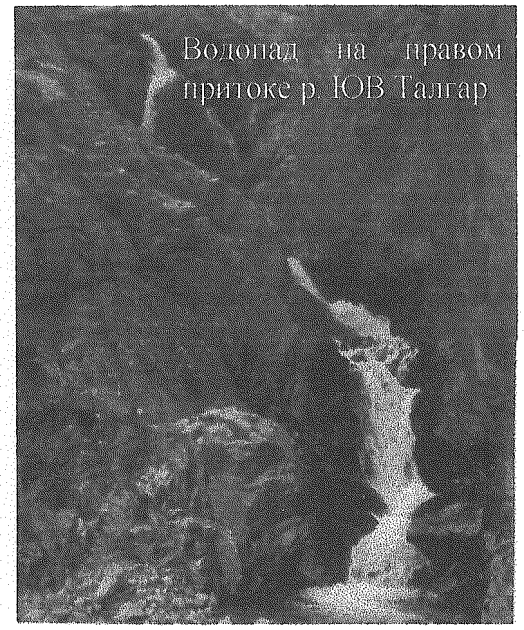
Кругом растут эдельвейсы. На Пучкина повеяло пионерской юностью и он извлёк из памяти:

Эдельвейсы под ногами не растут
Чтоб дойти до эдельвейсов – нужен труд!

Поели и вновь бросились загорать – косточки на солнышке греть. На Юлю нахлынули воспоминания, как две недели назад на этом же месте они вот так же грели косточки в «единичке» с Костей Ковалёвым. Эдик по своей романтичной натуре опять раскидывается монетками – хочет как-нибудь сюда вернуться.

С великим трудом собрались и разгоняя лень, двинулись вверх по долине вдоль реки Юго-Восточный Талгар. Продирались через кустарник около трёх часов. После вчерашних бегов и сегодняшней утренне-солнечной халявой не было никаких сил. Мы всё траверсировали бесконечный крутой травянистый склон. Только один раз он прервался огромным оврагом, по дну которого бежала речка. Чуть выше шумел водопад куда и побежал Пучкин фотографировать. А Юля и Эдик, перейдя реку сохли и ждали возвращения шефа.

Энтузиазму и силы в нас было хоть отбавляй, но постепенно давала о себе знать «ровная» тропика – ноги у Юли начинали покрываться гроздьями мозолей. Пошли по моренам. Скоро зелёнка окончательно пропала, и взорам нашим предстали груды камней, песка и льда.

Водопад на правом притоке р. ЮВ Талгар

Здесь, у озера Богатырь мы поставили палатку. Кругом суглинок – мелкая пыль, которая очень быстро покрыла рюкзаки, палатку и нас самих (мы приобрели ровный серый оттенок).

Небо затянуло тучами, повеяло холодом, сыростью и ещё чем-то роковым. На Юлю и Эдика местный ландшафт произвёл подавляющее впечатление, Пучкин же наоборот восторгался его грозностью и величественностью. «Ремнабор» был увлечён своей новой затеей – шитьём намордника от солнца из своей старой майки. Он составил в голове выкройки и теперь думал как бы лучше его сделать. Свою старую рубашку, расползающуюся по швам на ходу он решил использовать на тряпочки и теперь прощался с ней:

– Эх, верно ты мне служила, от ветра и солнца укрывала. Стирал я тебя, когда пачкалась, даже гладил иногда. Спасибо тебе, рубашечка за то, что не подводила, выручала меня в холодные минуты.

Закат на оз. Богатырь

Тем временем стемнело, а Пучкин приготовил обед-ужин – макароны с сыром и компот. Макарон он, надо сказать, пожадничал и нам еле-еле хватило. Эдсон раньше такого не ел и теперь пришёл в восторг.

За этот день мы прошли 8 км. Залегли в спальник в 10 часов.

Действие 8

о том как шеф экономил сухофрукты, как перешли реку Юго-Восточный Талгар, не замочив ног, как на обеде шеф зажал сухари, как попали в ледниковое болото, как взяли не тот перевал и там остались ночевать, и о том как Лёха на ужине прятал шоколад под подушку

13.08.96 г.
вторник

Обременённый пожизненным дежурством, шеф собирался заняться своей деятельностью в 5 утра, но проспал до 6 30. Очнувшись, вскочил, перебудил народ для сборов, а сам принялся колдовать над примусом. Ночное небо уже светлело, но солнце пока не появилось и в его отсутствие буйствовали мрак и холод. О! Как горько было покидать нагретый спальник, выходить в эту серость и сырость!

Товарищ Пучкин занялся освоением сложной науки – экономики. Если вчера он ловко сэкономил на рожках, то теперь он залил водой сухофрукты от вчерашнего компота. Когда сели завтракать, Алексей Васильевич выудил из компота чернослив, критически его обследовал – помял, понюхал, пожевал, и сделал заключение, что на этих сухофруктах можно ещё парочку раз компот забацать. Его предложение было принято гробовым молчанием, а когда начальник наш отвлёкся от своей идеи, все ягоды вместе с компотом исчезли в желудках Эдика и Юли (зачем их так долго мучить?).

Поели, вскинули уже готовые рюкзаки и под первые лучи восходящего солнца двинулись на ледник Богатырь.

Но сначала опять были морены, потом удивительного происхождения горы песка, а после наш путь преградила река Юго-Восточный Талгар. Здесь она разливалась на десятки рукавов. Пучкин грозился, что придётся переходить вброд и кое-где, может быть даже понадобится верёвка. Но поскольку солнце только что вышло из-за хребта то ледник ещё не начал таять. По этому нам и удалось перейти все разливы не намочив ног – путём перепрыгивания. Спустя 2 часа после выхода мы ступили на сам ледник, прикрытый обломками горных пород. Он полностью оправдывал своё могучее название (Богатырь). Весь разломан огромными трещинами и вздыблен, ни одного ровного места. Пучкин шёл первым. Эдик и Юля плелась следом. Долго блуждали по ледяным лабиринтам, обходя массу трещин, огибая сераки, перепрыгивая, переползая там, где нельзя обойти. Так продолжалось 1,5 часа. Наконец мы сошли с Богатыря и направились к соседнему с ним небольшому леднику Уральцев и ещё час мы прыгали по камням и траверсировали склоны боковой морены Богатыря.

На обед встали у языка ледника Уральцев в полдень. Рядом бежал ручей. Солнце нас так и баловало теплом. Оголились мы как могли и пока Лёха разбирался с примусом, разнежились на камнях. Эдик уже в который раз пытался установить рюкзак на попа, но тот сопротивлялся и в который раз падал. В конце концов, смирившись с неизбежностью Эдсон махнул на рюкзак рукой, достал раскроенный намордник и принялся его шить. На Юлю накатились волна воспоминаний о тёплой домашней постели, тарелке горячего супа и ей захотелось домой. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей. Она сгребла в охапку «Зенит» и отправилась на фотоохоту.

Перед тем как приступить к трапезе она напомнила Пучкину о том, что неплохо было бы достать сухари, на что Лёха отмахнулся:

– Сухари далеко, достану к ужину.

– Достань сухари, как друга прошу.

– Нет. Далеко. Не достану.

– А если я как завхоз прикажу достать сухари?

– Тогда я как начальник перенесу Ваш приказ на вечер.

И всё-таки пообедали мы по барски – вкусно и сытно. Побаловались чайком с конфетами вприкуску и стали собираться на ледник Уральцев.

Видимо, здесь прошёл снег – трещины были прикрыты. Поскольку стояла жаркая погода, снег на леднике подтаял и мы то и дело проваливались, но неглубоко. А вот главный сюрприз нас ожидал впереди. Мы поимели счастье познакомиться с ледниковым болотом. Идём следом за начальником и вдруг видим, что тот стал на каждом шагу проваливаться в снег не на 5-10 см, как обычно, а чуть ниже колена. Идёт, проваливается и молчит, тревогу не поднимает. Думаем, пустяки, дело житейское – снег пошёл глубже и в святом неведении держим курс за Лёхой. Оказывается. Под невинной корочкой снега – вода! Так мы полностью промочили вибры. Вышли на твёрдый наст, бросили рюкзаки и стали выжимать носки. Юля набросилась на Пучкин, обвиняя его в халатности:

– Ведь мог же нас предупредить, когда сам попал в болото! Мог же!!!

На что Лёха, пожимая плечами оправдывался:

– А я как-то не подумал.

Отжимались как могли, содрогаясь всей душой. Одели мокрые вибры и пошли к перевалу. Нарвались на закрытые трещины, проходили их в связках. Все остались живы. И вот до перевала осталось каких-то 40-50 минут крутого подъёма по осыпи. Одна беда была – под сыпухой находился подтаявший лёд. Стоит наступить на склон и тут же едешь вниз. Так вот и карабкались, быстро передвигая ноги. Вымотались. Но перевал взяли! Взяли!!! Взяли... да не тот... Ошибка вышла, вот о чём скорбел начальник. Вместо перевала Акгюль (2А*) мы вышли на перевал Уральцев (2А*). Руководствовались мы книгой Вуколова, по вине которой и случилась ошибка.

Перевальный гребень был шириной в 10-15 см – острые скалки, а по другую сторону крутой ледовый склон с огромными трещинами.

Солнце уже собиралось скрыться с наших глаз долой. Надо было срочно думать о месте стоянки. Встал вопрос ребром: то ли спускаться с перевала Уральцев (в этом случае нас ожидал крутейший спуск и жуткий ледник Шокальского, весь разломанный и вздыбленный), то ли ночевать на перевале, а завтра – траверс на перевал Акгюль.

Сначала большинство склонилось к первому варианту. Но когда Юля первой полезла по перилам к месту откуда надо начинать спуск и глянула вниз, ей подурнело. Она пулей вернулась к Эдику и Лёше, причитая, что лучше останется здесь жить, чем будет там спускаться. Так мы решили ночевать на перевале Уральцев. Начальник сгонял к туру (тот был расположен в труднодоступном месте) и достал записку, которая оказалась от москвичей 1995 года. полуальпинистская группа из 6 человек проходила траверсом Заилийский хребет от вершины ОПТЭ до перевала Бивачный.

Опять москвичи! Кругом одни москвичи! Эдик написал записку, в которой забыл указать год и число нашего прохождения. Это выяснилось позже, когда Пучкин уже замуровал нашу записку в туре.

С великим трудом нашли место под палатку. Эдик попытался облегчить дежурную участь шефа и попробовал сам разобраться с примусом. Ждали ужин мучительно долго. Когда первое было готово и мы собирались принять его внутрь примус неожиданно дал о себе знать яркими всполохами пламени высотой до метра. Пришлось его срочно кидать в снег, кабы ещё чего плохого не случилось. После этого товарищ Пучкин возвратился ко своим обязанностям. Эдсон старался изобразить рожки с сыром, что удалось ему не с таким блеском, как у Бурабай Баши, но для первого раза неплохо.

Солнце между тем покинуло нас и наступил зверский холод. Что удивительно, так это то, что горняшка в наших рядах отсутствовала, несмотря на высоту 4300 метров над уровнем моря.

На перевале были обнаружены нами погибшие божьи коровки и бабочки.

Перед сном шеф провёл беседу по безопасности:

– Кто ночью на шхельду пожелает, можете не стесняться далеко от палатки не отбегать.

– Фу, вонять-то как будет! -- отреагировал Эдсон.

– Ты думаешь, как настанет ночь все сразу начнут на шхельду толпами ломиться? И не по разу а по очереди до утра? -- вставила слово Юля.

В суете Эдик и юля забыли о шоколадке, положенной при прохождении перевала. Подлый Пучкин пытался её утаить, но Юля его засекла, когда тот прятал шоколад под подушку. Шеф долго упирался и увиливал, но когда был прижат к стенке, всё-таки, нехотя, выдал положенное нам по праву. Эдик на всякий случай пересчитал съеденный шоколад и имеющийся в наличии, чтобы убедиться в его сохранности. Пока всё было в порядке.

Ночь была тихая и спокойная. С перевала нас никуда не сдуло, чему очень удивился Лёха.

Действие 9

о том как Пучкин искал по палатке ложку, как установили японское происхождение у Эдиковской шапки, как мы героически траверсировали хребет, как Юлю било током, как поставили палатку на перевале Бивачный и о том как внутри неё намело первые сугробы

14.08.96 г.
среда

Утором Эдик отправился с Пучкиным на дежурство. Юля позволила себе поспать. За бортом шла мелкая снежная крупа, дул слабый ветер, а солнца не было видно. Завтракать решили в палатке. Бурабай Баши ползает по палатке и ищет свою тарелку. Нашёл. Приступил к поискам ложки. Здесь его постигла неудача – ложка исчезла бесследно. Точнее скрыл-то её спальником сам Лёха но об этом знали только Юля и Эдик, с интересом наблюдавшие за безуспешными попытками, изредка восклицая: «Под носом же лежит! Ищи!» – подло хихикая... Ложку шеф всё-таки нашёл самостоятельно во время завтрака была замечена на шапке у Эдсона загадочная надпись: «*CHAOKA*». Пучкин прочитал её: «СНОЖА». ЭДИК ОБИДЕЛСЯ:

– Нет! Это «ЧАОКА».

– Это японская фирма? -- спросила Юля.

– На английском языке? -- добавил Пучкин.

– Ну да. Фирма «Тойота» хоть и японская, а название пишет на английском, чтобы всем было понятно, так как это крупная всемирно известная фирма.

– Значит твоя «ЧАОКА» -- тоже всемирно известная фирма по выпуску шапок? -- не отставал начальник.

– Ну выходит так.

Чай не допили, и шеф собрался им наполнить торпеду. Взял её и стал надувать. Да так старательно, что часть воздуха со свистом вылетало изо рта. Юля:

– Э, да у тебя никак клапан сорвало!

– Да, и вообще теперь я буду примусом. Пока утром огонь добывал, бензина нанюхался. Дыхну – спичку поднесёшь – получится пламя. Когда бензин кончится буден использовать меня как запасной вариант. Только, главное, не перегрейте, а то взорвусь.

Погода стремительно портилась. Стали быстро собирать палатку Юля оказалась на Пучкинском коврике. Шеф грозным голосом воскликнул:

– Уйдите с центрального ковра!

Покинули стоянку часов в 10. Юля жалобно всхлипнула: «Солнышко бы...», на что Пучкин отрезал:

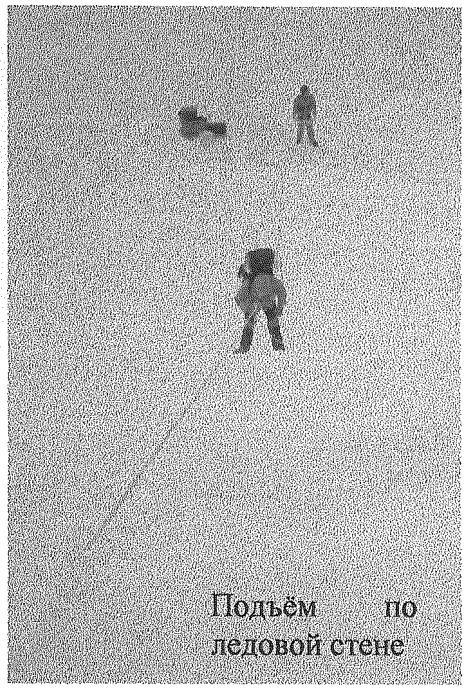
– Нет! Так хорошо. Хуже будет, если выглянет солнце и весь снег растопит.

Было решено пойти траверсом до развилки. Там бросить рюкзаки, сбегать на Актюль, вернуться и пойти по другому хребту через перевал Бивачный на перевал Суровый. Всё это задумано было очень лихо, но то, что нас ожидало впереди, потом мы будем вспоминать многие годы и хохотать до слёз.

Траверс наш выдался крутым и жестоким – то шли в связке, проваливаясь по ко-

На траверсе

Подъём по ледовой стене

лени по хрупкому снежному карнизу, то переползали скальные выходы, то карабкались по перилам, то шли в кошках по ледовому склону, то упражнялись в скалолазании. Кругом бушевала непогода – то ветер, то снег, то непроглядный сиф. Получили все 33 удовольствия, но в отличие от других Юля получила и 34^{e} . под конец траверса, когда непогода разбушевалась не на шутку и шеф гнал нас без остановок до первой приличной площадки, вдруг по спине Юли начали бить разряды тока. С каждой секундой сила их увеличивалась... Из воспоминаний Юли:

– Иду и вдруг – бац! Бац! Бац! В спину как будто иглы вонзаются и всё больнее, больнее... от неожиданности каждый раз вскрикиваю, на недоумение оглянувшегося шефа потаюсь объяснить ситуацию. Он, видимо из-за ветра ничего не слышит и кричит в ответ: «Рюкзак поправь!». А его хоть поправляй, хоть вообще выкидывай – без толку. И так больно! Обидно, чёрт побери, погибнуть в горах от удара электрическим током!

Это продолжалось несколько минут, а потом резко прекратилось. Эдсон позже рассказывал, как слышал треск по всей спине Юли и никак не мог понять, что же это такое.

Вышли на перевал Бивачный, всё заволокло сифом, ветер неистовствовал. Нашли на перевале тур, но он оказался пуст. На ровной площадке решили переждать непогоду. Палатку поставили с трудом – ветер раздувал её как парус. Но путём чёткой и слаженной работы всей команды её всё-таки установили. Натянули полиэтилен, забились в своё убежище и стали оценивать положение. В общей сложности у нас получилась полуднёвка, завтра ветер стихнет, пойдём на пик Талгар, потом спустимся, баньку забацаем с днёвкой, и махнём в Алма-Ату. А там дыни, арбузы, плов... Эдик:

– Вот придем в Алма-Ату, я домой куплю большой арбуз и большую дыню.

– Нет, маленькие дыньки вкуснее, -- заметил Пучкин.

– Тогда много маленьких дынек, ещё урюка, яблок, груш...

– А как там у вас с финансами?

– Ну ты шеф вечно всё испортишь!

Кругом по спальнику были наметены сугробы. Дырку в углу Эдик заткнул «фонариком», а окошко прикрыли его разрезанной рубашкой. Самого керосинщика закидали двумя куртками, так как из дырки все равно наметало снег. Ночью, как крайнего с подветренной стороны бедного Эдика придавило сугробом снега на крыше палатке. Пучкин проводил спасработы – отгребал снаружи снег котелком.

От мороза спальник задубел и нам оставалось жаться друг к другу, чтобы окончательно не окочуриться.

Действие 10

о том, как мы безнадёжно торчали на перевале Бивачный, как в связке ходили на шхельду, как зашивали палатку, как Эдик лез за конфетой, как с потолка на нас сыпался иней и о том как Юля с шефом взвыли, приведя Эдсона в ужас

15.08.96 г.
четверг

Порывы ветра усилились и теперь трепали нашу палатку от всей души, с особым остервенением. Иногда казалось, что ещё чуть -чуть и нас унесёт вместе со своей палаткой, а пока наше убежище хоть и трещало по всем швам, но держалось. Полиэтилен давным-давно сорвало как газетный лист и унесло в небытие. Снег прекращаться и не собирался. Непогода буйствовала и свирепствовала, а мы покорно смирялись. Выходить на шхельду стало опасно – появился вариант невозвращения. Поэтому терпели до последнего, а кода наступал предел, откупоривали двери и по очереди выходили в «открытый космос». Ветер тут же сбивал с ног, приходилось цепляться за камни, отползать от палатки на пару шагов и там творить свои черные дела. Причём делалось всё исключительно быстро, так как секунд через 15 всё тело начинало сводить от холода. Бодрость и оптимизм покидали наши сердца, уступая место депрессивной апатии.

Товарищ Пучкин умудрился раскочегарить в палатке примус и приготовить рисовую кашу с изюмом. Позавтракали в безмолвии и без аппетита. Наступал этап разлагающего безделья. Юля стала зашивать дырявую палатку. Чтобы сделать очередной шаг иглой, приходилось высовывать руку на улицу, где она тут же замораживалась, теряя всякую чувствительность. После этого руку приходилось растирать 10-15 минут и вся процедура повторялась снова. Но торопиться было неуда и вскоре окно было зашито. Следующим объектом внимания Юли стала дырка со стороны Эдсона в углу палатки. Затем было решено серьёзно заняться входом. Ненадёжность и вопиющая непрактичность фабричной конструкции были на лицо – через промежутки между пуговицами ветер без проблем проникал внутрь, наметая сугробы на наши леденеющие головы. Лёха выдумал свою систему: нашил клапан, застегнув его на булавки, задраил старым полиэтиленом и заложил вибрами. Шить Алексею Васильевичу понравилось и в угаре он заштопал спальник.

Кошки, палочки и ледорубы, оставленные нами наружи у палатки были давно погребены. Дело близится к обеду. Погода безнадёжно ухудшается. У шефа началась истерика – округлив глаза, вскинув голову душераздирающе орёт: «Шарик! Шарик! Шарик!», -- это продолжается минут 20, постепенно затихает, переходя на шёпот : «Шарик! Шарик!».

Решили провести анкетирование. Вопрос: Что вы думаете в эту минуту?

Пучкин:

– Всё хорошо. Дней через пять будем дома зализывать обмороженные руки и ноги, потирать невидящие глаза.

Эдик:

– Если снегом сейчас не засыплет, то я возьму конфету...

– ... арбузы, дыни, пироженки... – продолжила Юля.

– А бабушка как нас нежно ругала, – вспомнил вдруг Эдуард.

– Да как ласково, -- поддержал Пучкин.

– Поругает, а потом: «Кушайте манты, картошечку».

– Что там бабушка делает? Картошку наверное! -- помечтал Алексей.

– А Лиля на огороде...

Мы находимся уже вторые сутки на высоте 4450 метров, а горняшку не слышно и не видно. Пучкин:

– Эдик, в циклоне пониженное давление?

– Да, -- отсутствующим голосом произнёс тот.

– Значит, помимо низкого давления на перевале от высоты, здесь ещё более пониженное давление в циклоне. Нас должна замучить горняшка.

– А у меня уже начинается.

– Как?

– Вот есть хочу и голова не болит, НО всё вломы, всё вломы...

– Да, батенька, это первая стадия, вас надо срочно вниз спускать!

– Так, что Эдсон, срочно беги вниз, спускайся, -- вставила слово Юля.

– И без шарика не возвращайся.

– Я бы побежал, так ведь ломы! -- вымолвил Эдсон.

– Да, ломы – оружие всех времён и народов. – констатировал начальник.

Тем временем из очередной щелки, Эдика всё-таки присыпало снегом. И хоть он и собирался взять конфету, только в том случае, если не присыплет, но искушение было настолько сильно, что он решился:

– Ну вот. Полезу я за конфетой. Как думаете достану с трёх раз?

Вся сложность заключалась в том, что Эдик был в спальнике, а мешок с конфетами в ногах. Юля:

– Попробуй, Эдсон, а я тебе подсоблю шворцем.

Тот подсобрал сил, наполнил лёгкие воздухом и с душераздирающим криком ринулся за конфетами. Если не принимать во внимание свёрнутую тарелку, погнутую ложку и порванный спальник, то попытка увенчалась успехом. Фантики от конфет мы принципиально всегда складывали в карман куртки Андрея. Теперь там был целый склад.

Переделали всё, что могли, переговорили обо всём. Решили поспать. Забились в спальник, замуровались, прижались друг к другу и забылись.

Голод дал о себе знать в 20 00. Боже!!! Как не хотелось покидать нагретый спальник! В каких муках мы выползали из него, освобождая место в центре под примус. О себе давал знать не только голод, но и протекающие в наших организмах процессы. Подготовились как сумели и по очереди вышли в «открытый космос». Последним выходил начальник. Он набрал снега в котелок и откопал давно занесённые кошки, ледорубы, палочки. Мужеству его не было предела и он даже умудрился подправить палатку.

Спустя минут 20 в нашем убежище заполыхал примус. Неожиданно стемнело, и мы погрузились в непроглядную тьму. Жалкий остаток свечки решили экономить. Изнутри вся палатка была покрыта сантиметровым слоем инея. При каждом порыве ветра он осыпался на нас, а ветер рвал палатку не утихая. Снег в котелке тает до ужаса медленно. Закутаться от холода не во что – всё мокрое и заледенелое. Крыша так провисла от инея, что невольно мы её касались и с ног до головы были припорошены инеем. Наше состояние достигла критического предела. И тут от безвыходности Юля и Пучкин стали издавать всяческие звуки – причмокивания, покряхтывания, повизгивания, посвистывание... в стиле «чукча в чуме ждёт рассвета». Песни эти продолжались долго. Юля с Лёхой вошли во вкус, а Эдик только причитал, забившись в угол:

– Прекратите! С ума посходили!

Но певцы не остановились. Просто им хотелось согреться и скрасить мучительное ожидание ужина. Сейчас уже не вспомнить, что за блюдо изобразил Бурабай Баши, но вкуснее его мы ничего на свете не едали. Это точно.

Легли спать, одев на себя всё, что можно и нельзя – всё мокрое, холодное и противное. Перед сном все стали молиться, каждый по своему. Пучкин, когда затихал ветер

опять начинал истошно орать: ««Шарик! Шарик!». Было решено завтра утром в любых условиях, при любой погоде организовать экстренный спуск.

Действие 11

о том как мы проснулись от солнца, как сделали 12 перил за день, как открыли новый перевал и назвали его перевалом проходимцев, как ночью шли по леднику, а потом не могли привыкнуть к тишине

16.08.96 г.
пятница

Утром мы проснулись от ... солнца. Мы проснулись от СОЛНЦА, бившего нам в глаза через крышу палатки! Мы проснулись от солнца и не поверили в это. Ветер стих, тучи канули в прошлое, а в небе светил ОН! -- шарик! Холода, однако, меньше не стало – около -15--20^0 С. шеф дал команду немедленно собираться. Мы начали оперативные сборы. Проведённая в бездействии пара дней давала о себе знать – руки, ноги затекли и опухли, а в душах наших застряли безразличие и апатия. Двигала нами лишь мечта о доме. Упаковали в палатке рюкзаки, одели кошки и системы и стали ждать шефа – тот навешивал первые перила. Надо заметить, что вибры наши так задубели, что приходилось их растирать руками и прижимать к самым тёплым местам, которых на нас становилось всё меньше.

В начале одиннадцатого мы вышли на свежий воздух. Взорам нашим предстала потрясающая картина – такое можно увидеть нечасто. До перевала Бивачный мы фотографировали всё кругом в 4 фотоаппарата, а тут вся техника оказалась в глубинах рюкзаков. Мы, видимо, находились на одном из самых высоких хребтов, так как кругом мы могли видеть всю горную цепь как на ладони – снежную, голубую и такую игрушечную. Это надо было видеть, потому что словами трудно передать всю величественность открывшейся перед нами панорамы.

Движения и мысли сковывал холод. Двигались как зомби. Навешивали перила за перилами. Шли в кошках, то проваливаясь по пояс в снег, то скользя по льду. Чем ниже спускались, тем теплее нам становилось. Юля и Лёха давно оттаяли, начинал прошибать пот, а у Эдика так закоченели ноги, что пройдя 7 перил, чувствительность к ним не возвращалась.

Вышли на ледник Шокальского и продолжили путь в связке. Но не выдержав жары остановились на дне кара, чтобы переодеться и уложить рюкзаки по человечески. После трёх дней холода, разомлев от солнца мы расслабились до безобразия. Шефу стоило великих трудов погнать нас дальше. Все трещины и разломы были занесены снегом, поэтому начальник наш шествуя первым, постоянно проваливался, но неглубоко (самое большее – по пояс).

Поднялись на небольшой отрожек с понижением. Оголодавшая Юля взмолилась перед шефом, призывая встать на завтрак. Но Пучкина тянуло дальше - вниз, и он никак не хотел останавливаться, но передохнуть всем позволил. Во время отдыха, он стал спускаться к небольшому ледовому озерку и на Юлькино счастье промочил ноги. Только поэтому Алексей Свет Васильевич дал распоряжение достать примус и котелки. Таким образом завтрак наш состоялся в 17 00 (до этого мы так замёрзли и были напряжены на спуске, что забыли о еде).

Мы попали в крутой сиф. Сидим на гребне, а по цирку кружит огромное облако – сиф. То всё заволакивает, то опять рассеивается, и наша команда опять начинает замерзать. Но Эдик пришёл в восторг:

– Ой, мы на облаке сидим!

– А-а-а... мы в облако попали, -- закричал Пучкин скорчив мину, округлив глаза.

Мы попали в крутой сиф. Сидим на гребне, а по цирку кружит огромное облако – сиф. То всё заволакивает, то опять рассеивается, и наша команда опять начинает замерзать. Но Эдик пришёл в восторг:

– Ой, мы на облаке сидим!

– А-а-а... мы в облако попали, -- закричал Пучкин скорчив мину, округлив глаза.

В котелке на примусе растаял снег и вечный дежурный – Лёха закинул в воду всё, что было. Прошло минут 5 и он с гордостью объявил:

– Суп почти готов, только ещё не закипел.

Пока готовился суп, Юля соорудила тур и положила туда записку следующего содержания:

«Туристы из Томского Гортурдур клуба Берендеи открыли новый перевал. Называем его перевалом проходимцев. Определили категорию сложности – 2А***. Идем с перевала Бивачный. Направляемся домой. Погода – облака, облака, солнце. Состояние группы радостно-взволнованное. Здесь праздно отобедали. Группа из трёх человек (перечисление) желает самых снежных вершин, неглубоких трещин, сухих носков и щедрого завхоза. Всем привет!»

Юля очень старательно отделала тур, упаковала записку. Позже, когда мы уже спустились тур был виден издалека.

Поели на славу и начали спускаться вниз, но пришлось вернуться и одеть кошки . и опять шли по перилам (около 4 шт.). Где-то на середине склона случилась небольшая заминка. Лёха шёл с нижней страховкой, страховал Эдик, а рядом на самостраховке стояла Юля. Солнце слепило глаза, и иногда Эдик опускал голову не глядя на шефа, потихоньку выбирая верёвку. И этот момент, когда Эдсон в очередной раз опустил голову, Пучкин вдруг поскользнулся и стремительно набирая скорость полетел на Юлю и Эдсона. Причём лыжные палки, торчащие из рюкзака Алексея были направлены остриём вниз. Юля с ужасом наблюдала картину, а Эдик ничего не подозревая потихоньку выбирал верёвку. В принципе никто бы не погиб, но назревала крутая свалка. Завхоз пытался(-лась) убежать в сторону, но её крепко держала и никуда не отпускала самостраховка. И вот, когда до народа оставалась пара метров, Герр Пудтчкиндт неожиданно круто затормозил и остановился. Как он рассказывал позже, его нога попала в трещину, таким образом он и прекратисвой стремительный спуск. А Эдик тем временем подняв голову очень удивился:

– О, ты уже здесь?

На что шеф, стиснув зубы, прошипел:

– У меня скоростной спуск: ложишься на спину, отталкиваешься ногами и через несколько секунд ты на месте.

Когда мы вышли на ледник, уже почти стемнело. А мы продолжали идти в связке при свете звёзд, обходя трещины. С трудом нашли ровное место под палатку на морене. Установили свой шатёр, съели шоколадку, закусили сыром и сухарями и приготовились ко сну. Но сон никак не приходил. Чего-то нам всем остро не хватало. И тут кто-то вскричал:

– Господи! Тишина-то какая!

И действительно, вокруг стояла совершенно для нас непривычная тишина. После не утихающих ветров Бивачного эта тишина резала уши. И мы принялись, качать палатку, свистеть, завывать, подражая ветру, закончился наш ностальгический порыв хохотом и ещё свежими воспоминаниями о предыдущих ночах.

В этот день Юля и Эдик очень пострадали от солнца. Эдсон нахватался «зайчиков», а Юля страшно обгорела (обуглилась). Теперь у Эдсона болели глаза, а у Юли пылало лицо.

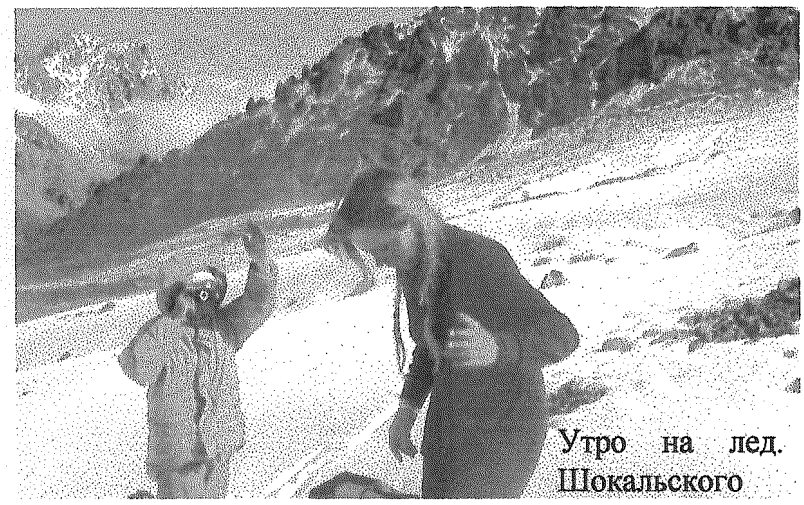
Действие 12

о том, как наш примус оплавился, как мы повстречали красноярцев, которые нас накормили и о том как мы пришли в заброшенный альплагерь , где познакомились с селевиками, у которых до ночи и гостевали.

17.08.96 г.
суббота

Юле приснился сон, где Пучкин заарканил дикого скакуна, прогарцевал на нём, а потом упал на землю. Прослушав Юлькино повествование, Лёха стал размышлять.

– Значит мне нельзя брать непосильную ношу. Э, ребята, меня надо срочно разгрузить!

Утро на лед. Шокальского

Пока шеф-повар разбирался с примусом, Эдик и Юля повылазили из палатки и стали греться на солнышке. Вдруг услышали голоса, настоящие человеческие голоса. Они звучали так близко, что казалось – вот сейчас вывернут из-за горы толпа туристов. Но как не вглядывались мы вдаль, ничего не могли разглядеть. Юля поднялась на морену и долго присматривалась, увидела-таки на соседнем склоне группу людей, спускающихся вниз, [redacted] Спустя 15 минут донеслись голоса с противоположного склона. Видимо, у гор был сегодня приёмный день, и туристы поползли изо всех щелей.

Между тем от нашей палатки на солнце пошёл пар. Пучкин воскликнул:

– Смотрите, сейчас наша палатка испарится!

Но испарился наш примус. В смысле - он все-таки взорвался и расплавился. Шеф разобрал его на запчасти и обрадовал нас сообщением о том, что этот завтрак – последний.

Пошли. Прыгаем по моренам и осыпям. Юля и Пучкин пошли вдоль реки по низу, а Эдик по тропе поверху. Он их обогнал и потом долго ждал.

И вот когда голод начинал давать о себе знать, а до дров было как до Китая на лыжах, мы неожиданно вышли на стоянку красноярцев. Это был целый лагерь на 9 человек. Кругом палатки, а посередине на огромном плоском камне – стол, ломящийся от яств. Мы подошли как раз к обеду. Встретили нас крайне радушно и пригласили к столу.

И чего только за этим столом не было! Глаза наши разбежались от такого обилия. Нас угощали супом, салом, сыром (столько сыра сколько каждому из нас раздали на этот обед, мы ели втроём неделю), чесноком, луком (причём не сушёным, а настоящим, свежим, да ещё по пол-луковицы), фирменный кофе с молоком. А к нему – сахар и печенье! И этот рацион питания был у красноярцев в конце похода! Мы в свою очередь предложили шоколадку и курагу.

За обедом делились воспоминаниями о пережитой непогоде. Оказывается наши хозяева тоже вкусили прелестей минувших ночей – у них была холодная ночёвка на перевале Актюз (3А). Теперь всё пережитое казалось жутко веселым и забавным. При нас они начали выяснять кто к кому больше жался. Когда всё было съедено, наступил момент прощания. Нас обнадёжили, что через пару часов на нашем пути будет заброшенный альплагерь, некогда разрушенный селем. И мы пошли по хорошо протоптанной тропинке вниз. Прошли 8 км и действительно вышли в лагерь. Кругом возвышались руины полуразрушенных домов. Мы побегали туда-сюда и выбрали себе домик с тремя комнатами, железными кроватями, печкой и застеклёнными окнами. Такого комфорта мы не ожидали. Тут же заняли себе комнаты и кровати, распаковали рюкзаки, развесились сушиться. Эдик

В ачыт лагере «Гасыр»

занялся ремонтом одежды, Пучкин пошёл по грибы, которые тут росли в огромных количествах, а Юля отправилась на разведку по местности. Основной её задачей было найти зеркало. Обойдя все домики, цель эту она достигла. Поднеся дрожащими руками осколок зёркала к лицу, Юля получила стресс. Такой же стресс получил Эдик, глянув в тот же осколок. Так случилось, что на лице у него выступила простуда. Он регулярно мазал её цинковой мазью, а теперь увидел, как всё это выглядит.

Когда солнце уже скрылось за лесом, пришёл радостный Пучкин с полным мешком всяческих грибов. Пока Эдик варил суп с грибами, к нам в гости пришёл селевик, проживающий здесь неподалёку. Поговорили о том, о сём, и напросились в гости. Когда совсем стемнело, Эдсон под чутким руководством шефа соорудил праздничный торт из сухарной крошки, сгущёнки, изюма, шоколада и кураги. Отужинали на свежем воздухе у настоящего костра и засобирались в гости.

А у Эдсона случился комплекс – он засмущался своей простуды и остался дома – отмывать перед городом засохшую цинковую мазь. Юля и Лёха взяли с собой гостинцы – компот и конфеты – и под покровом ночи пошли на ощупь в домик селевиков.

Пробирались через канавы, камни, ёлки и сушняк. В конце концов потеряли направление. Стали громко кричать – привлекать к себе внимание. Нас услышали и вышли встречать со свечёй. Их было четверо.

Юрик – с круглыми глазами, белобрысый. Это он приходил к нам в гости.

Саша – молчаливый тип в белой шапочке, надвинутой до самого носа с целью сокрытия фингала, который иногда всё-таки просвечивал через неё. В прошлом он перенёс сотрясение мозга, после которого у него нет памяти, о чём он нам радостно сообщил.

Аман – очень шустрый, весёлый, не замолкающий товарищ непонятной национальности. Когда темы бесед иссякали, чтобы заполнить паузы, он начинал хохотать.

Паша – самый старший, видимо здешний начальник, выдавал всем пайку на день. С упоением мог часами вещать о том как, где, с кем, когда и сколько он выпил.

Познакомились. Завели светскую беседу. Узнав, что Юля – «великая художница», Юрик бросился в угол комнаты, извлёк пыльную тетрадь и с трепетом преподнёс её на просмотр. Юля принялась внимательно изучать самодеятельные шедевры – крутые авто, свечи, гориллоиды, обнажённые девицы, а Юрик преданно заглядывал ей в глаза и ожидал бурю восторгов. «Эксперт», подбадриваемая Лёхой, как могла восхитилась, и автор остался доволен. Упоённый успехом, он ещё долго перелистывал тетрадь, любуясь своими творениями.

Комната освещалась самодельным светильником, который то возгорал синим факелом, то гас. В этой полутьме мы говорили обо всём – о горах, об армии, о городе Талгар, о погоде и непогоде... около 2-3 часов, распивая между делом наш компот, закусывая хозяйским свежим хлебом (!!!).

Юрик рассказывал нам о своей работе:

«Звонят нам по рации и спрашивают: «Сколько кубов воды в таком-то озёре?». А до озера того идти далеко. Что бы ответить? А, пусть будет 170. Отвечаем по рации, что мол сходили, посмотрели – 170 кубов. А там вдруг все переполошились. «Ходите, -- говорят, -- на это озеро каждый день смотрите!». Вот влипли-то. Ну сбегали, посмотрели, а там нет воды! Ну как им объяснить, куда вода делась? Они ведь дураки – не понимают и никак им не вдолбить, что воды там нет. Куда девалась? А я откуда знаю? Ушла!».

Наслушались мы баек об их коллеге селевике «Ботанике» который как раз эти дни был в отгуле. Живет, мол на одних травках, бегает всё корешки копает, да ягоды собирает, а потом чаи заваривает и всех пить заставляет. Пучкин наш умилительно покачивал головой, очень жалея, что не поимел счастья с ним познакомится.

А потом добрые селевики стали нам объяснять, как дойти до Талгара, минуя пост (КПП), так как мы находились на территории заповедника, куда вход простым смертным был строго запрещён. В худшем случае с нас должны были взять огромный штраф. Но сколько ни старались нам объяснить схему продвижения, каждый раз выходило иначе, гораздо запутанней и непонятней. Закончилось всё тем, что нас пообещали проводить (оказывается, недавно Паша с Сашей по великой пьянке возвращались домой и не в силах тащить сумку, спрятали её близ тропы, по которой нам предстояло завтра идти). На том и закончили, договорившись встретится в 10 00.

Пошли назад в полночь. Юрик проводил нас почти до дому, освещая дорогу.

Эдик не спал – сидел при свече и ждал. Спальню мы устроили в одной комнате. Мужики залегли в спальник на одной кровати, а Юля замоталась в палатку на другой. К утру все замёрзли, как цуцики.

Действие 13

о том как ждали наших проводников, как долго шли с ними по узкой тропинке, о том как ели дикие фрукты, искали брод, как повезло на КПП заповедника и о том как мы закончили поход

18.08.96 г.
воскресенье

Эдсон заступил на дежурство в 6 30. По планам намечалась рисовая каша. Готовил её Эдуард Александрович 2 часа. Юля и Леха оценили её по достоинству – каша получилась ужасно вкусная, совсем не подгоревшая. К великому огорчению нашему изюма там не наблюдалось , шеф-повар его просто не нашёл. Пили компот. Сахара после похода остался целый килограмм. К 10 00 мы полностью уложились, и стали ждать селевиков, которые решительно не появлялись. От досады шеф затянул тоскливую песнь. Юля и Эдик подхватили. Так и седели на крылечке, распевая: «Огней так много золотых...» Спустя полчаса мы покинули этот рай, не дождавшись Амана и Саши, клятвенно заверявших вчера, что сегодня в 10 утра за нами зайдут.

Шеф пошел первым и через 15 мин мы пришли к женскому туалету, на котором тропинка заканчивалась. Поулыбавшись, вернулись назад к домику, спустились чуть вниз и пошли по другой тропе. Как же мы были удивлены, когда пришли к мужскому туалету..., но здесь тропа не обрывалась и вскоре мы вышли к реке. Она была смещена в сторону прошедшим селем. Здесь дорога наша обрывалась (как и вещали нам вчера селевики. На этих камнях (в старом русле реки) нас догнали Саша и Аман. Спали они этим утром крепко, проснулись в 9 20, пока поели, пока собрались... ну опоздали немного, не страшно ведь.

Пучкин с Эдиком неслись впереди, Юля ковыляла последней. Селевики вышагивали за Юлей, раздумывая как ускорить её передвижение. Наконец Сашу посетила разумная мысль – забрать её рюкзак. После этого благородного жеста результат был достигнут – Юля прибавила обороты.

Попрыгали по камням и вышли на склон, где опять появилась тропа. Сколько там было малины! Кругом ветки гнулись под тяжестью ягод и не было никаких сил проходить мимо. Но чтобы угнаться за Аманом, бегущим далеко впереди, приходилось не проходить мимо, а проноситься, продираться через малину, иногда всё-таки зацепив пару ягод. Изредка наши селевики устраивали перекуры. Тогда мы набрасывались на малину в полный рост, уничтожая её горстями. На одном таком перекуре Саша поведал нам душещипательную историю (когда-то им прочитанную) о трагичной любви дочери одного художника.

Для Юли этот стремительный спуск по ущелью оказался гораздо безоблачней, чем для Эдсона и Лёхи. Мало того, что рюкзак её расположился на спине Саши, так через каждые 5-10 мин Аман ненароком вручал ей по горсти свежей ягоды. Юля, окруженная такой заботою от всей души радовалась жизни. Чудесная халява закончилась неожиданно – Саша вдруг остановился и озираясь, напрягая остатки памяти, потерянно произнёс:

– Кажется здесь.

Настал печальный момент прощания, оказавшийся таким скоропостижным, что никто из нас даже не достал напоследок фотоаппарата. Так, улыбнулись друг другу и пошли каждый своей дорогой.

Спустились в долину, перешли речку и нарвались на высокое дерево урюка. Обобрали, объели всё, что достали. После перевала Бивачный да рисовой каши это буйство природы, это солнце, эта чудесная близость дома вселяли в наши изможденные мужественные души великое счастие. Мы ступали по этому раю с восторгом и трепетом.

Вышли на дорогу – первую настоящую человеческую дорогу, вдоль которой проходила настоящая труба. В одном месте из неё бил фонтан. Тут Пучкин вспомнил про достижения техники, достал фотоаппарат, и дал команду построится Юле и Эдику у фонтана. Но только мы заняли позиции, как из кустов выскочила корова и бросилась на нас. Удивляться гостеприимству местной фауны времени не оставалось – разбегались в рассыпную. Корова фыркая как паровоз, пронеслась мимо, и скрылась за поворотом. Мы робко пошли за ней следом, так как путь наш лежал именно в ту сторону.

Буйная корова была здесь не одна – по обочине разгуливало целое стада бычков и буренок. Все они были весьма раздражены нашим вторжением в их коровий рай. То и дело, грозно поглядывая на нас исподлобья мычали:

– Что, туристы?

– Какого чёрта тут шляетесь?

– Заповедник тут! Не знали?

– Ух, турист несчастный, сейчас я тебя забодаю! Будешь знать, как по заповедникам шастать!

Однако, как рогатые не грозились, разборки с нами чинить не стали. Дорога привела к реке Средний Талгар, через которую был когда-то мост , но некоторое время назад его снесло водой. Как обещали селевики, ниже через пару километров должно было быть перекинуто дерево, и мы побежали по берегу вниз. Здесь не было даже тропы, приходилось преодолевать высокую сухую траву, с множеством колючек. Последние все до единой оставались на нашей одежде. Зато остальная здешняя растительность просто завораживала: яблоня, урюк, ирга, боярка... и все нетронуты рукой человека. Эту беду мы попытались исправить, но фрукты были ещё зелёные.

А переправы через рек не наблюдалось. Эдик всё рвался вброд перейти, но товарищ Пучкин возражал, неся как начальник груз ответственности за его драгоценную жизнь. Наконец терпение шефа иссякло, а может просто взыграла его горно-туристская крутость – Лёха бросил рюкзак и собрался устраивать навесную переправу. Причём выбрал место с самым мощным течением. Облом случился внезапно – Юля далеко впереди разглядела обещанное дерево через реку, о чём доложила шефу без промедления. Алексей Васильевич был крайне удручён полученной информацией. Ему так хотелось выпендриться на навесной переправе самому и нас за одним угробить.

Перешли реку без жертв и остановились подготовится к встрече с цивилизацией. В желудках царила пустота, шеф-Пучкин дал команду извлекать из недр рюкзаков всё, что можно разжевать и проглотить. В дело пошли остатки: Юпи, сухое какао, сахар, яичный порошок, грибной концентрат. На чёрный день когда-то Юля оставила кусочек сыра, и вот чёрный день настал, а поиски драгоценной заначки потерпели полный крах. Дольше всех с утратой не мог смириться Эдсон – полностью распотрошил свой рюкзак в надежде обнаружить потерю, но увы, безуспешно (гораздо позже, дома Юля обнаружила кусочек сыра в кармашке своего рюкзака, но Эдику поведать об этом ей не хватило смелости). На обеде каждый сам себе изобретал блюда, в меру своей извращённости самым большим любителем изысканных блюд оказался Пучкин – он сотворил такую гадость из яичного порошка и грибного концентрата, что долго не мог отплеваться. Эдик наелся сухим какао с сахаром и маслом. А Юля хлебала грибной концентрат с холодной водой.

Вторым этапом подготовки к Алма-Ате было облачение в самое приличное, что имелось в наличии. Последний штрих – бал-маскарад с гримом. На случай задержания была придумана легенда о жестокой судьбине, калечившей наши души на перевале Бивачный 3 дня. Обмороженный Эдсон – яркое свидетельство тому. А мы конечно же и не собирались посещать этот заповедник (люди мы грамотные, законы уважаем). Наше появление здесь – экстренный спуск. Для пущей убедительности Эдуарду Александровичу обмазали руку цинковой мазью и забинтовали.

Вскинули рюкзаки и ринулись в сторону дома. Шли по ровной асфальтовой дороге и как в музее разглядывали один за другим информационно-предупрежающе-запрещаю-

щие плакаты, выполненные некогда в доперестроечном стиле местными художниками-самоучками.

Проходили мимо строящейся виллы (!). нас то и дело обгоняли иномарки. Одна остановилась и водитель полюбопытствовал о том, что мыв здесь делам. В ответ на его удивление была тут же представлена печальная история и трёх несчастных туристах, случайно оставшихся в живых и теперь возвращающихся домой. Мужик утёр скупую слезу и посоветовал не идти через КПП, а пройти ниже по тропе (о ней, видимо, знали все, кроме самих егерей на КПП). Благодарности нашей не было границ, расстались весьма дружелюбно.

Идти с каждым шагом становилось труднее – наступала расслабуха. Юля плелась самой последней. Её-то первую и догнал некий товарищ. Как и полагается, присутствию каких-то туристов сомнительно-ободранного вида, он удивился. Юля сразу поведала душераздирающую трагедь во всех подробностях, растрогав любопытствующего чуть ли не до слёз.

– Ну, ничего, -- говорит, -- Сейчас придём на КПП, что-нибудь сообразим.

Этот гражданин оказался инспектором по охране природы. Избежать КПП не удалось, но всё обернулось только в нашу сторону.

Пока Юля и Эдик сидели у железных ворот, Бурабай Баши в будке пересказывал всю историю по порядку. Пока шеф распалялся, Эдсон времени не терял – познакомился с симпатичной девушкой, покорив её своим мужественным видом. А о перебинтованной руке он изредка забывал. И стоило ему схватиться «больной» рукой за ограду или облокотится на неё, как Юля начинала шипеть, жестикулируя глазами. А симпатичная девушка не унималась – всё расспрашивала про наш маршрут и про горы. Потом, узнав, что мы держим путь в Алма-Ату, заявила:

– А у нас тут сейчас автобус до Алма-Аты пойдёт. Поехали!

Отказываться было просто грех. По счастливой случайности именно в этот день и час из заповедника уезжал на своём автобусе домой коллектив «Академкниги», прибывший сюда на отдых. Они-то нас любезно и прихватили не без стараний той самой девушки. С КПП отпустили с богом, но в спешке товарищ Пучкин забыл там своё удостоверение инспектора Бурабая.

Ехали весело, с ветерком. Всю дорогу Юля болтала с какой-то женщиной, стращая ту снежными буранами, ураганными ветрами и рисовой кашей с изюмом. Эдсон и Пучкин ютились в проходе на рюкзаках.

Наконец, выходим из автобуса. Эдик, потягиваясь и недоверчиво озираясь, спросил:

– Это Талгар?

Несчастный, он так устал и измучился, что не сообразил, куда нас везут...

– Нет, Эдик, это Алма-Ата.

Эпилог

Первым делом – киоск!

Эдик с Лёхой за пивом, Юлю одарили шоколадкой.

А потом была трогательная встреча с бабушкой, Лильчатай и мамой Алексея Васильевича. Раскидав как попало, рюкзаки по комнате, оккупировали ванную. Дольше всех удерживал оборону Эдик – погрузился в пену и распивал пиво. Яму закидывали арбузами, дынями и бабушкиной картошкой.

Нежданно-негаданно у Лильчатай приключился День Рождения. Было решено отметить сиё событие по полной программе в парке культуры завтра.

Сколько в тот день было съедено мороженного и какие только карусели не были опробованы! На лодках катались, в зоопарке были. Куда Лиля пальчиком покажет, туда и бежали. Вечером одарили именинницу огромным букетом роз, а подытожили торжество чаем с пирогом.

А Юля, как и после единички, опять заработала растяжение голеностопов, но несмотря на распухшие ноги, на следующий день поехала со всеми на скалы. С утра запас

В Малой Алматинке

лись дынями, печеньем, пирожками и с братьями Ковалёвыми, Лилей и Алексеем Васильевичем Пучкиными отправились на скалодром. Купались, ели, фотографировались..., изредка лазили.

Первым Алма-Ату покинул Эдсон, приложив немало для того усилий, не без помощи Лёхи. На следующий день уехала Юля. Шеф отправился последним.

Анкета

участников похода по их высказываниям

Вопрос	Ответ		
	Алексей Васильевич	Юлия Ивановна	Эдуард Александрович
Самый весёлый день	поход к Супонникову	поход к Супонникову	день перед походом – сборы, поход к Супонникову - ширинка
Самый печальный день	когда нас покинули МакЮзера	когда Дежурил Андрей	ночёвка на перевале Бивачный
Самый весёлый момент		кода узнала, что за «15-20» мин пробежали лишних 6 км	6й день - начальник поверил в карту - ошибся!
Самый радостный момент	когда встретили на 12й день красноярцев - накормили	←	Когда приехали на Медео
Самый печальный момент	11й день расплавился примус	когда Пучкин рассыпал изюм в песке	когда ушёл Андрей Ковалёв
Самый отчаянный момент	когда понял на Бивачном, что надо идти по большому	когда на Бивачном надо было идти на шхельду	когда лез в кошках на пер. Дмитриева Вост.
Любимое выражение	2 мин. До выхода!	Издевательство!	Зайка моя, банька моя, я твой тазик
Любимые вещи	Бурабайка	кошки	рюкзак
Любимое блюдо похода	сейчас вот грибы сварим!	Лапша с сыром +компот	лапша с сыром
Нелюбимое блюдо похода	чай без травы	борщ с ревенем (кислый)	каша рисовая с изюмом
Мысль чаще всего посещавшая в походе	Всё-таки классная у нас компашка! А на какой перевал идти какая разница...	Вот приеду в город съем 2 пирожёнки	Твою мать!
Как молились (кому)	Шарик! Шааарик!	Харе Кришна	Закатил глаза к небу (звёздам) и беседовал с ними
Любимое занятие	командовать и орать (А.В.: руководить)	есть и спать в сухом спальнике	выкурить кислородную палочку
Кого ругали	МакЮзера	Пучкина	Пучкина

Вопрос	Алексей Васильевич	Юлия Ивановна	Эдуард Александрович
Нелюбимое занятие	выдавать шоколад	ждать пока приготовится еда	просыпаться и вылазить из спальника
Самая светлая мысль	Не зря я шарику молился!	Как здесь хорошо!	Не уйти вместе с Андреем
Самая чёрная мысль	Будем делать ночное прохождение перевала	Сидеть нам тут 3 дня не меньше (на Бивачном)	Уйти вместе с Андреем.
Самая нужная вещь в походе	палочки	шоколадка	розовая лента
Какой недуг больше всего мучил	когда наелись	недоваренной	фасоли
Нелюбимая вещь	мешок с сухарями (5 кг)	мокрый спальник	кошки
Самая бесполезная вещь	пояс от рюкзака который лень пришивать	каподастер	шорты
Мечта	Талгар	сходить в 4-ку	Талгар
Что больше всего запомнилось	12 перил в день!	Облака под ногами и вид с Бивачного	сухие перекусы
Любимый запах	бензина	крема для ног	еды
Нелюбимый запах	бензина	горчицы	мокрых вибр
Самый неожиданный, удивительный момент	когда увидел рюкзак на леднике	как посмотрелась в зеркало	Когда были в сифе (облаке)
Чего не хватало в походе	тёплого складного сортира	сладкого	мяса
Любимое место прохождения	ледник разломанный ледопадом	реки	пологий ледник, мелкий кустарник
Нелюбимое место прохождения	закрытые ледники	моренная трясина	сыпуха, крутой ледник
Самое красивое место похода	оз. Богатырь	пер. Бивачный	пер. Бивачный
Чего было в избытке	риса (он его нёс)	холода	риса (он его ел)
Первое что сделаешь дома	сажусь на диван и открываю холодильник	моюсь	моюсь
Одно слово о походе	**траверсиловку**	**прошли**	**быстро**

Автор текста: Ю. Тилипенко
Фотографии: А. Пучкин, Ю. Тилипенко, Э. Азовцев, А. Ковалёв
Набор: Кабинет экономической географии (6^{й} корпус ТГУ) (А. Пучкин, Э. Азовцев, А. Ковалёв)
Печать: Кабинет экономической географии (6^{й} корпус ТГУ), ТОО «Промальп» (А. Пучкин, Д. Сарычев, Р. Щетинин)

Сдано в набор: 12.02.97
Подписано в печать: 27.05.97

Тираж: 5 экз.

